DR
85
Пет

НАЧАЛО

ГРЕКО-БОЛГАРСКОЙ РАСПРИ

И ВОЗРОЖДЕНІЯ

БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Профессора

Н. И. ПЕТРОВА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.

1886.

НАЧАЛО

ГРЕКО-БОЛГАРСКОЙ РАСПРИ

И ВОЗРОЖДЕНІЯ

БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ.

Профессора

Н. И. ПЕТРОВА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, соб. домъ.

1886.

2k

„Пров 38“

Оттискъ изъ журнала „Труды Кіевской духов. Академіи“ за 1886 г.

DK
85
280
41

Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности.

Греко-болгарская распря, ярко обозначившаяся послѣ восточной войны 1853—1855 г.г., первоначально выразилась въ стремленіи болгаръ освободиться отъ іерархической подчиненности грекамъ и въ усиліяхъ послѣднихъ удержать за собою іерархическую власть надъ болгарами. Слѣдовательно, на первыхъ порахъ греко-болгарская распря имѣла, повидимому, чисто церковный характеръ. Этотъ же характеръ она удерживала и въ послѣдующее время и остановилась на объявленіи цареградскою патріархіею болгаръ схизматиками и отлученіи ихъ отъ церкви въ 1872 году. Но, со времени политическаго освобожденія болгарскаго народа и образованія болгарскаго княжества и восточной Румеліи, церковный характеръ греко-болгарской распри начинаетъ мало по малу стушевываться и изъ-за него выдвигается политическая сторона этой распри. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, греко-болгарская распря имѣла чисто церковный, канонической характеръ, то она сама собою прекратилась бы съ образованіемъ самостоятельнаго болгарскаго княжества, которое, по каноническимъ постановленіямъ, имѣетъ право и на іерархическую самостоятельность. А между тѣмъ, и послѣ провозглашенія политической самостоятельности Болгаріи, греко-болгарская распря продолжаетъ существовать, находя пищу себѣ въ политическихъ тенденціяхъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Константинопольская патрі-

архія изъявляла готовность согласиться на признаніе особыхъ экзарховъ и въ княжествѣ Болгаріи, и въ Румеліи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы болгары уступили патріархіи греческую варнскую митрополію. Съ своей стороны, болгары не только не хотѣли уступить грекамъ этой митрополіи, но и требовали, чтобы патріархъ уступилъ имъ также епархіи въ Македоніи и Ѳракіи, хотя эти области не вошли въ составъ Болгаріи и Румеліи и хотя болгары составляютъ здѣсь меньшинство [1]). Слѣдовательно, вся греко-болгарская распря сводится теперь къ установленію этнографическихъ границъ между болгарами и греками. Но еще яснѣе выступаетъ политическая тенденція греко-болгарской распри въ послѣднихъ смутахъ, происходящихъ на балканскомъ полуостровѣ изъ-за объединенія Болгаріи и Румеліи. Объединеніе это, представляющее одинъ изъ послѣдовательныхъ шаговъ болгарскаго народа къ полному возстановленію національной самобытности своей, не только разбудило прежнее соперничество между греками и болгарами изъ-за этнографическихъ границъ и преобладанія, но и вызвало на сцену новаго претендента на участіе въ наслѣдствѣ „больнаго человѣка“, т. е. Сербію. И всѣ эти претенденты и соперники не прикрываются болѣе идеею церковности и религіи, въ которой сами они относятся теперь довольно индифферентно, а уже прямо выступаютъ съ политическими притязаніями на расширеніе своихъ границъ и политическое преобладаніе, какими преемственно пользовался въ прежнее время на балканскомъ полуостровѣ каждый изъ этихъ претендентовъ и соперниковъ.

Такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ развитіи греко-болгарской распри преемственно выступали на первый планъ существенные элементы ея, сначала элементъ церковно-канонической, а потомъ элементъ политико-этнографическій. Но каждый изъ этихъ элементовъ не господство-

---

[1]) „Кіевскія Епарх. Вѣдомости“ 1880 г., № 47, стр. 9.

валъ исключительно въ томъ или другомъ періодѣ развитія греко-болгарской распри и не исключалъ собою другаго элемента, а только подчинялъ его себѣ или заслонялъ его собою на время. Если въ настоящее время ясно опредѣлились политическія стремленія и конечныя цѣли соперничающихъ сторонъ, т. е. грековъ и болгаръ; то мы имѣемъ основаніе заключать, что тѣ же стремленія и цѣли таились въ греко-болгарской распрѣ и на первыхъ порахъ ея возникновенія и развитія, хотя бы даже въ неясномъ, инстинктивномъ состояніи. Съ другой стороны, нынѣшнія смуты на балканскомъ полуостровѣ и особенно политическое соперничество грековъ и болгаръ между собою имѣютъ исходнымъ пунктомъ своимъ прежнія церковно-іерархическія притязанія обѣихъ сторонъ на новыя области и еще болѣе усложняются и запутываются этими притязаніями...

Имѣя въ виду совмѣстное, хотя и неравносильное участіе въ греко-болгарской распрѣ обоихъ указанныхъ элементовъ ея, т. е. церковно-іерархическаго и политическаго,—мы изложимъ съ этой точки зрѣнія исторію возникновенія и первоначальнаго развитія греко-болгарской распри. А такъ какъ, съ церковно-политической точки зрѣнія, средоточнымъ пунктомъ этой распри было стремленіе болгаръ къ церковной и политической самостоятельности; то исторія греко-болгарской распри будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очеркомъ исторіи возрожденія болгарской народности. Мы избрали только начальный періодъ греко-болгарской распри или возрожденія болгарской національности какъ потому, что во всякомъ дѣлѣ имѣютъ особенную важность первые шаги, опредѣляющіе дальнѣйшее его направленіе, такъ и потому преимущественно, что имѣемъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько новыхъ документальныхъ данныхъ, относящихся къ этому періоду и могущихъ пролить на него новый свѣтъ [1]).

[1]) Эти данныя извлечены нами изъ бумагъ новгородскаго и с.-петербургскаго митрополита Григорія († 1860 г.) и бывшаго настоятеля посольской рус-

I.

По словамъ современнаго болгарскаго дѣятеля и ученаго Θ. Стоянова-Бурмова, угасавшее въ прошломъ столѣтіи народное чувство болгаръ стало мало по малу снова возгараться въ томъ же столѣтіи, благодаря искрамъ, брошеннымъ въ прошломъ же вѣкѣ трудами болгаръ іеромонаха Паисія изъ Самокова и Софронія, епископа врачанскаго [1]). Но патріотическая литературная дѣятельность этихъ двухъ болгаръ, по нашему мнѣнію, является скорѣе послѣднимъ замирающимъ эхомъ засыпавшей жизни болгарскаго народа, послѣ уничтоженія во второй половинѣ прошлаго вѣка болгарскаго патріаршества и болгарской іерархіи, чѣмъ предвозвѣстникомъ возрожденія болгарской народности въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Съ одной стороны, идеалы этихъ писателей были въ прошломъ болгарскаго народа, а не въ будущемъ, съ другой же стороны—мы не видимъ, чтобы они хоть сколько нибудь пробудили народное самосознаніе въ ближайшихъ поколѣніяхъ своихъ соплеменниковъ. Напротивъ, факты свидѣтельствуютъ о совершенномъ подавленіи народнаго самосознанія болгаръ въ началѣ нынѣшняго

ской церкви въ Константинополѣ архимандрита Петра (Троицкаго), впослѣдствіи епископа аккерманскаго, викарія кишиневской епархіи († 1872 г.). Первыя взяты были покойнымъ архіепископомъ кишиневскимъ Антоніемъ (Шокотовымъ) изъ архива м. Григорія, а по смерти высокопреосвященнаго Антонія—ключаремъ кишиневскаго собора протоіереемъ Понятовскимъ и переданы Церковно-Археологическому Обществу при Кіевской дух. Академіи (См. „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи“ за 1880 г. стр. 58—62 и 71—81). Бумаги же архимандрита Петра, бывшаго въ Константинополѣ съ 26 августа 1858 г. до 24 авг. 1860 года, частію пріобрѣтены для Церковно-Археологическаго Общества послѣ смерти покойнаго профессора Кіевской дух. Академіи протоіерея А. М. Воскресенскаго (см. „Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества“ за 1884 г., стр. 18—19), частію переданы пишущему сіи строки племянникомъ архимандрита Петра, непремѣннымъ членомъ кіевскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Θ. А. Троицкимъ. Послѣднія тоже поступятъ въ Церковно-Археологическое Общество.

[1]) „Греко-болгарская распря“ Θ. Стоянова-Бурмова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за январь 1886 г., стр. 150—153.

столѣтія и нежеланіи ихъ воспользоваться даже тѣми правами, какія имъ предлагали. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка,—говоритъ г-жа Муромцова,—во время возстанія грековъ, турецкое правительство, въ видахъ разъединенія православнаго населенія, предложило даровать болгарамъ самостоятельное отъ грековъ церковное управленіе. Но болгары отказались какъ потому, что симпатизировали грекамъ и считали ихъ дѣло своимъ дѣломъ, такъ и потому, что изъ-за идеи о вѣрѣ имъ не видно еще было идеи о народности. Причиной своего отказа болгары выставили отсутствіе въ ихъ средѣ достойныхъ и достаточно образованныхъ людей для посвященія въ высшія духовныя должности [1]). Во время восточной войны 1828—1829 г.г., всѣ участвовавшіе въ этой войнѣ „были свидѣтелями сношеній греческаго духовенства съ болгарами,—говоритъ одна записка 1858 года,—находили вездѣ въ церквахъ и домахъ болгаръ наши богослужебныя книги, слышали на родномъ себѣ языкѣ богослуженіе, а горькія жалобы, до нихъ доходившія, касались только общихъ и всегдашнихъ враговъ христіанства—магометанъ“ [2]).

Пробужденіе и возрожденіе болгарской народности начинается тотчасъ послѣ восточной войны 1828—1829 г.г., отчасти вслѣдствіе нѣкотораго расширенія правъ греческой іерархіи, коснувшагося и болгаръ, частію же вслѣдствіе пробудившагося въ Европѣ интереса къ изученію болгарской народности. „Греческое духовенство,—говоритъ Н. Геровъ,—вслѣдствіе войны 1828—1829 г.г., вмѣстѣ съ нѣкоторою свободою богослуженія, получило возможность пользоваться лучше предоставленными ему съ давнихъ поръ правами“ [3]). А эти права отчасти распространялись и на

---

[1]) „Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ“ А. Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 313—314.

[2]) Записка эта—въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

[3]) Записка Н. Герова къ директору Азіатскаго департамента Е. П. Ковалевскому, 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра; см. въ его же бу-

болгаръ, составлявшихъ нераздѣльную съ греками паству греческой іерархіи. Поэтому вселенскій патріархъ Германъ позаботился и объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей болгарскаго народа и принялъ въ нихъ живое участіе. Въ 1843 году онъ вызвалъ изъ Болгаріи въ богословское Халкинское училище о. Неофита для преподаванія славянской литературы будущимъ архипастырямъ болгарскихъ епархій и напечаталъ октоихъ и рядовое евангеліе для славянскихъ церквей, съ московскаго изданія. Съ тѣхъ поръ преподаваніе славянскаго языка въ Халкахъ продолжается и донынѣ [1]). Въ то же время стали раздаваться голоса славянскихъ писателей, призывавшіе къ жизни разрозненныя славянскія народности, и эти голоса съ каждымъ годомъ становились смѣлѣе, многочисленнѣе. „Труды нѣкоторыхъ чешскихъ и русскихъ писателей, а въ особенности Юрія Венелина, угро-русина, воспитанника Московскаго Университета, гдѣ онъ и сошелся съ болгарами, по исторіи болгарскаго народа, способствовали первые пробужденію чувства народности и сознанія своихъ народныхъ правъ сначала въ самомъ ограниченномъ кружкѣ болгаръ, но мало по-малу воздѣйствіе этого кружка стало ощущаться въ народныхъ массахъ. Благодаря усиліямъ этихъ историковъ, которые, развернувъ предъ болгарами картины блестящаго прошлаго, вдохнули въ нихъ вѣру въ самихъ себя и надежду на повтореніе временъ Симеона и Калояна, благодаря всему этому народъ стряхнулъ съ себя пятивѣковой сонъ, вспомнилъ, что и онъ способенъ къ самостоятельной жизни и что и онъ имѣетъ право на свое мѣсто подъ солнцемъ. Въ свою очередь болгарская эмиграція, съ тридцатыхъ годовъ утвердившаяся преимущественно въ

магахъ опись дѣлъ константинопольской миссіи, составленную имъ въ 1858 г., стр. 8, № 7.

[1]) „Изъ воспоминаній о Востокѣ“ свящ. Петра Соловьева, въ „Духовной Бесѣдѣ“, 1863 г., № 33, стр. 600.

Румыніи, частію путемъ печати, частью чрезъ посредство своихъ агентовъ, во-первыхъ,—вызвала нѣкоторое сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы къ болгарамъ, заставила заговорить о нихъ въ печати и тѣмъ самымъ развила въ нихъ извѣстную степень самоувѣренности и надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ турецкимъ владычествомъ и, во-вторыхъ, ообобщила самую идею этой борьбы, поддерживая и распространяя эту идею указаніемъ на внѣшнюю помощь“ [1]).

Однимъ изъ первыхъ и могущественнѣйшихъ средствъ къ возрожденію болгарской народности было учрежденіе народныхъ болгарскихъ училищъ. Въ 1835 году, стараніями В. С. Априлова и Н. Е. Палаузова открыта была въ Габровѣ первая народная болгарская школа, и первымъ учителемъ въ ней былъ архимандритъ Неофитъ Рыльскій изъ братіи Рыльскаго въ Болгаріи монастыря [2]). Съ этого времени народныя училища въ Болгаріи стали размножаться довольно быстро. „Съ 1835 года доселѣ,—писалъ болгаринъ З. П. Княжескій 27 ноября 1858 года архимандриту Петру,—открыто въ Болгаріи до 80 и болѣе народныхъ училищъ ланкастерской методы, въ томъ числѣ и нѣсколько уѣздныхъ“ [3]). Самъ Княжескій былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей и насадителей народнаго образованія въ Болгаріи. По словамъ свидѣтельства, выданнаго ему Ески-загрской народной общиной 29 ноября, 1859 года, Княжескій еще съ юношества посвятилъ себя народному образованію и былъ учителемъ въ Тырновѣ, но потомъ оставилъ эту должность

---

[1]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ В. А. Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май, 1882 г., стр. 405—406. Изслѣдованіе это издано и особой книгой. Сн. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 314.

[2]) „Греко-болгарская распря“, Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 176.

[3]) Въ бумагахъ архимандрита Петра. Съ 1835 до 1841 г., кромѣ габровскаго, открыто было еще 11 училищъ. См. „Денницу новоболгарскаго образованія“ В. Априлова, Одесса, 1841 года.

и, для усовершенствованія себя въ наукахъ, отправился въ Россію, откуда возвратился въ 1848 году въ Ески-Загру и здѣсь до 1854 года преподавалъ въ главной школѣ славянскую грамматику, географію, священную исторію, пространный катихизисъ, русскій языкъ и другіе предметы. Кромѣ того, онъ посѣщалъ и другія смѣшанныя и женскія школы и присутствовалъ на экзаменахъ въ школахъ другихъ городовъ, отправилъ въ Россію для образованія и приготовленія къ учительскому званію двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, Александру и Анастасію Михайловыхъ, изъ коихъ первая въ послѣдствіи времени преподавала въ Акоржанскомъ женскомъ училищѣ, а вторая—въ училищѣ св. Димитрія [1]). Въ послѣдствіи времени г. Княжескій проэктировалъ устройство, насчетъ средствъ нашего Св. Синода, одной семинаріи для юношества духовнаго званія и одного пансіона или сиротскаго учебнаго заведенія для бѣдныхъ и сиротъ дѣвочекъ [2]). Въ Хаскіойскомъ училищѣ съ 1848 года былъ учителемъ іеромонахъ Аѳанасій Чолаковъ, окончившій въ этомъ году курсъ наукъ въ Одесской семинаріи; онъ убитъ былъ въ 1852 году по дорогѣ въ Ески-Загру [3]). Въ Филиппополѣ, благодаря пожертвованіямъ и патріотизму болгарина Стояна Ѳеодорова Чалыкова, лица въ то время вліятельнаго между турками, 1 сентября 1850 года была открыта болгарская школа, имѣвшая своей задачей приготовлять юношей къ званію учителей и священниковъ. Главнымъ начальникомъ этой школы былъ Найденъ Геровъ, впослѣдствіи занявшій постъ русскаго вице-консула въ томъ же городѣ [4]).

Къ сожалѣнію, народное образованіе въ Болгаріи на первыхъ порахъ не вездѣ шло правильнымъ путемъ, частію

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., тамъ же.

[3]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 184.

[4]) Тамъ же, стр. 183.

по недостатку организаціи школьнаго дѣла и хорошо подготовленныхъ учителей, частію вслѣдствіе ложнаго образованія и направленія этихъ учителей. Извѣстный уже намъ З. Княжескій, сказавъ о размноженіи болгарскихъ народныхъ училищъ и между ними нѣсколькихъ уѣздныхъ, называвшихся полугимназіями и гимназіями, замѣчаетъ, что эти полугимназіи и гимназіи на самомъ дѣлѣ хуже уѣздныхъ училищъ. „Ихъ справедливо можно назвать приходскими, — говоритъ Княжескій; преподаваніе производится однимъ учителемъ и помощникомъ. А ученики, будучи бѣдными, не могутъ посѣщать классовъ и большею частію занимаются домашнею работою. Кромѣ того, бѣдность заставляетъ болгаръ жить вмѣстѣ въ одной комнатѣ и работать вечеромъ или утромъ рано всѣмъ при одной свѣчкѣ, и ученикъ, при разговорѣ, шумѣ и пѣсняхъ, не можетъ приготовить уроковъ и долженъ выучивать ихъ въ классѣ. Въ этомъ случаѣ когда найти время объяснить имъ новые уроки? Это — главное препятствіе. Кромѣ того, матери, будучи необразованы, не понимаютъ цѣны образованія и обязанностей учениковъ и употребляютъ ихъ почти до половины дня на домашнюю и свою работу. И въ такомъ безпорядкѣ (ученики) посѣщаютъ училище годъ или два, потомъ отдаютъ ихъ въ обученіе ремеслу, гдѣ въ теченіи года забываютъ все, выученное поверхностно и отрывочно. Изъ такихъ учениковъ имѣемъ нынѣ градоначальниковъ, надзирателей училищъ, старостъ церковныхъ, защитниковъ общественной пользы, священниковъ, благочинныхъ, іеромонаховъ и архипастырей, которые суть не что иное, какъ свирѣпые янычары или лютые звѣри. Подъ видомъ благочестія, они стараются только набивать свои карманы и за интересъ готовы высосать кровь у своего роднаго брата. Послѣ сего, кто будетъ имѣть понятіе и попеченіе о систематическомъ порядкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, украшеніи церквей и образованіи необходимаго капитала для училищныхъ расходовъ (на жалованье учителямъ, которые года

по три не получаютъ его, а поэтому и живутъ бѣдно, и Богъ вѣсть, какъ и что преподаютъ)? Оттого и все суета суетъ, и за суетою гонятся. Въ церквахъ никогда не бываетъ поученія слова Божія, равно и внѣ оныхъ; нравоучительныхъ и поучительныхъ книгъ не имѣемъ на природномъ языкѣ. Правда, патріотизмъ, человѣколюбіе и любочестіе не существуютъ. Народъ былъ дикій, а въ этомъ случаѣ еще болѣе одичалъ и сдѣлался грубѣе: ничего про христіанство не слыхалъ и не знаетъ, а оттого потерялъ и уваженіе къ религіи, церкви, апостольскимъ и святоотеческимъ постановленіямъ, святымъ постамъ и праздникамъ. Отъ подобнаго народа чего можно ожидать? При незнаніи своего существеннаго, его нетрудно совратить съ праваго пути и повести куда угодно. Поэтому и западъ лѣзетъ сюда и успѣваетъ чрезъ своихъ миссіонеровъ, изъ коихъ каждый имѣетъ въ рукахъ неограниченную сумму... До 1846 года въ Ески-Загрѣ было только четыре семейства, которыя иногда тайно нарушали посты; но въ это время наняли одного учителя изъ австрійскихъ сербовъ г. Любомира, воспитаннаго въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ, по нравамъ богохульника и еретика. Онъ въ короткое время соблазнилъ почти половину жителей города, которые не соблюдаютъ постовъ, не ходятъ на исповѣдь и сами не помнятъ, когда пріобщались, развѣ когда были еще мальчиками... Упомянутый учитель жилъ въ Котельнѣ, Сливнѣ и Колоферѣ и вездѣ совратилъ довольное количество людей. Послѣ разбитія венгерцевъ въ 1849 году, многіе изъ нихъ, а также изъ поляковъ и другихъ націй, поселились въ Болгаріи, и болгары, не зная различія между православіемъ и католицизмомъ и не проникая въ іезуитскіе ихъ замыслы, принимали ихъ на учительскія должности, гдѣ они и сѣяли свободно свои плевелы, которыя въ скоромъ времени выросли и подавили доброе сѣмя православія, сбереженное въ чистотѣ въ самыя тяжкія времена турецкой свирѣпости, съ безчисленными невинными жертвами. Вслѣдствіе отсут-

ствія поученій въ церквахъ, праздничное богослуженіе стало дѣлиться на 4 разряда: 1) когда прочтутъ евангеліе, одна часть народа уходитъ изъ церкви и не возвращается болѣе; 2) другая уходитъ послѣ херувимской пѣсни и перенесенія даровъ; 3) третья уходитъ по прочтеніи молитвы Господней; 4) окончанія обѣдни и возгласа „Благословеніе Господне на васъ“ не дожидается и десятая часть. На заутрени очень рѣдко кто ходитъ, развѣ съ десятокъ старыхъ бабъ. Священники, будучи неучеными, нисколько не пекутся о своихъ прихожанахъ. Епархіальные архіереи болѣе всего озабочены тѣмъ, какъ собирать свою милостыню отъ болгаръ и производить за деньги и безъ надобности для церкви малограмотныхъ людей въ священники, а о поученіи народа и подкрѣпленіи угасающаго православія и благочестія имъ и на память не приходитъ“ [1]).

Были въ это время въ Болгаріи педагоги и съ болѣе солиднымъ образованіемъ, полученнымъ ими въ Россіи, или на западѣ; но, во-первыхъ, ихъ было весьма немного, а во-вторыхъ, нѣкоторые изъ нихъ не отличались благонадежнымъ направленіемъ и не пользовались довѣріемъ народа. „Есть ли подготовленные начальники и наставники“?—писалъ въ 1858 году преосвященный Кириллъ мелитопольскій. „Увы! четыре человѣка, поучившіеся кое-чему кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства“ [2]). По словамъ архимандрита Петра, „болгаринъ въ образованіи ищетъ свѣдѣній, нужныхъ для свѣтскаго человѣка, и знаніемъ французскаго языка дорожитъ несравѣенно болѣе, чѣмъ всякою духовною мудростію. Болгаринъ образованный не приметъ на себя духовнаго званія, потому что не видитъ

---

[1]) Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра. О венгерскихъ и польскихъ эмигрантахъ см. еще брошюру Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря“ 1870 г., стр. 13—14.

[2]) Записка, писанная въ мартѣ 1858 г., между бумагами м. Григорія, № 81.

въ томъ особенныхъ выгодъ, притворно боится воображаемыхъ непріятностей жизни и въ званіи учителя, при поразительной необразованности народа, любуется собою, какъ особою съ почетомъ, вліяніемъ и голосомъ“ [1]). Особенную язву въ болгарской интеллигенціи составляли люди, получившіе образованіе на западѣ Европы и утратившіе здѣсь свой народный обликъ и національныя болгарскія преданія. По окончаніи войны 1828—9 гг. и „послѣ замиренія, Россійское правительство,—говоритъ одна записка 1858 года,—заявившее предъ всею Европою и свое могущество, и сочувствіе къ себѣ всѣхъ православныхъ обитателей Турціи, будучи въ теченіи тридцатилѣтняго мира отвлекаемо другими событіями, выпустило изъ рукъ все вліяніе, законно пріобрѣтенное пролитою православною кровію на поляхъ адріанопольскихъ. Ошибка эта тѣмъ важнѣе, что, пробудивши враждебное вниманіе запада, мы какъ бы предали его кознямъ святую церковь и нашихъ восточныхъ собратій. Однимъ изъ плодовъ отсутствія нашего вліянія было то, что изъ придунайскихъ княжествъ, изъ Сербіи и даже изъ Болгаріи образовалось въ Парижѣ и въ нѣмецкихъ университетахъ новое поколѣніе, отличающееся отъ отцовъ равнодушіемъ къ вѣрѣ, самонадѣянностію и философическою мечтательностію. Сіи-то выходцы, еще новые и немногочисленные въ Болгаріи, составляютъ лучшее орудіе западнымъ интригамъ. Съ 1848 года примѣшалась къ неяснымъ ихъ мечтамъ всеобщая тогдашняя мысль о возстаніяхъ во имя народностей, которою воспользовалась латинская пропаганда для усиленія своихъ постоянныхъ нападеній на греческую церковь“ [2]). Болгарскіе воспитанники западно-европейскихъ школъ, пристраиваясь на родинѣ къ дѣлу народнаго образованія, однако относились къ этому дѣлу нерадиво и небрежно, занимаясь вопросами высшаго порядка. „Жаль,—

[1]) Письмо архим. Петра къ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, писанное 8 ноября 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 2.

[2]) Въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

пишетъ архимандритъ Петръ,—что училища болгарскія не имѣютъ правильной, опредѣленной и лучшей организаціи; но въ этомъ уже ни въ какомъ смыслѣ нельзя обвинять греческихъ пастырей; виноваты обществомъ приготовляемые, особенно на западѣ, въ учителя юноши-болгары, о коихъ часто искренно сожалѣетъ общество, видя, что они за границей получили не образованіе, т. е. истинное, необходимое для края, но, по поговоркѣ болгаръ, *опразнованіе*, т. е. опорожненіе всѣхъ отеческихъ добрыхъ убѣжденій. Такихъ учителей не любитъ и боится народъ, но все же они приносятъ много зла на родинѣ, или бѣгутъ въ чужіе края...“ [1]). Вѣроятно, такіе просвѣтители забрались около 1859 года и въ Тырновъ. Въ это время „болгары въ Тырновѣ открыли училище и, говорятъ, въ значительныхъ размѣрахъ. Но до свѣдѣнія князя (Богоридиса) дошли самыя разнорѣчащія извѣстія: по однимъ, преподаваніе въ этомъ училищѣ идетъ хорошо и въ духѣ православія; по другимъ, въ немъ преобладаетъ духъ запада“. Князь встревожился и изыскивалъ средства узнать дѣло въ его истинномъ видѣ[2]).

Не смотря однако на эти недостатки, народныя школы Болгаріи въ общемъ характерѣ своемъ были весьма благодѣтельны для болгаръ, пробуждая и поддерживая въ нихъ народное чувство и питая надежды на лучшее будущее. Уже одно преподаваніе въ школахъ на болгарскомъ языкѣ само по себѣ было наглядным доказательствомъ особности болгарскаго народа, отличнаго отъ грековъ. Послѣдніе поняли опасность, угрожавшую неприкосновенности ихъ власти надъ болгарами, и забили тревогу. Когда въ 1851 году въ болгарской филиппопольской школѣ произведенъ былъ учащимся экзаменъ на болгарскомъ языкѣ, то греки поражены были обнаружившеюся на этомъ экзаменѣ нео-

[1]) Письмо архим. Петра къ оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, писанное въ іюнѣ 1859 года, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 10 на об.

[2]) Тамъ же, л. 13 на об. и 14.

жиданностію, что науки могутъ быть преподаваемы также на болгарскомъ языкѣ, и путемъ печати старались доказать, что болгарскій языкъ не можетъ быть органомъ просвѣщенія и образованія, и что преподавать науки на необработанномъ языкѣ—потеря времени для учителей. Не довольствуясь этимъ, Филиппопольскій митрополитъ Хрисанѳъ въ 1852 году выгналъ изъ Хаскіоя учительницу и закрылъ болгарское въ семъ городѣ училище для дѣвочекъ. Онъ выслалъ также оттуда іеромонаха Рыльскаго монастыря, пребывавшаго въ городѣ въ качествѣ таксидіота, подозрѣвая его въ агитаціи между болгарами къ возстановленію собственной ихъ письменности, и воспретилъ практиковавшійся мѣстами обычай пѣть и читать по-славянски на одномъ изъ клиросовъ, предписавъ отправлять богослуженіе лишь на греческомъ языкѣ. Патріархія, увѣдомленная о стремленіи болгаръ замѣнить греческій языкъ въ церквахъ и училищахъ собственнымъ славянскимъ, отправила посланіе къ митрополиту и христіанамъ Филиппополя, въ коемъ предписывала не нарушать существующаго порядка вещей, т. е. не вводить снова славянскаго языка въ церкви и училища. Митрополитъ Хрисанѳъ показывалъ всѣмъ это посланіе для оправданія своихъ дѣйствій. Съ своей стороны Филиппопольскіе болгары обвиняли митрополита Хрисанѳа въ жадности и жестокости при поборахъ и въ клеветѣ на болгаръ[1]). Такимъ образомъ школьный вопросъ о преподаваніи на болгарскомъ языкѣ связанъ былъ въ Филиппополѣ съ церковнымъ и іерархическимъ вопросомъ и слился съ нимъ воедино. Отсюда мы имѣемъ поводъ заключать, что и возникновеніе и развитіе греко-болгарской распри въ полномъ ея объемѣ было прямымъ и необходимымъ послѣдствіемъ развитія болгарскихъ школъ и народнаго болгарскаго образованія.

---

[1]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 183—186.

II.

Стремленіе болгаръ отдѣлиться отъ греческой іерархіи и образовать свою особую, національную іерархію обнаружилось вскорѣ послѣ учрежденія первыхъ болгарскихъ народныхъ школъ и, если не опиралось на эти школы, то во всякомъ случаѣ развивалось въ параллель съ ними. Впервые съ ясностію болгары высказали турецкому правительству свое негодованіе противъ греческаго духовенства въ 1840 году. Въ этомъ году ѣздили въ Константинополь жаловаться на злоупотребленія и притѣсненія своего владыки Панарета представители отъ тырновской епархіи. Находившіеся въ то время въ Константинополѣ архимандритъ Неофитъ Хилиндарскій Бозвели изъ Котла и монахъ Иларіонъ Стояновичъ, бывшій впослѣдствіи сначала епископомъ при болгарской въ Константинополѣ церкви подъ названіемъ макаріупольскаго, а потомъ тырновскимъ митрополитомъ, посовѣтовали представителямъ отъ тырновской епархіи просить у правительства, чтобы въ Тырновъ назначенъ былъ архіереемъ болгаринъ, что послѣдніе и исполнили. Порта не только не отвергла просьбы тырновскихъ представителей, но даже показала видъ, что сдѣлаетъ распоряженіе объ удовлетвореніи ея. Дѣйствительно, Панаретъ былъ отрѣщенъ. Но патріархія все-таки назначила на мѣсто его грека Неофита, усыпивъ болгаръ подкупами и обѣщаніемъ приступить въ скоромъ времени къ посвященію болгаръ во епископы въ Рущукъ, Ловчу, Врацу, Преславу (Шумлу) и Ески-Загру. Но она не исполнила данныхъ ею тырновскимъ представителямъ обѣщаній, а новый тырновскій митрополитъ Неофитъ въ 1842 году сослалъ на Аѳонъ вышеупомянутаго Неофита Хилиндарскаго, считавшагося кандидатомъ во епископа. Тогда въ 1845 году тырновскіе болгары снова жалуются на своего архіерея и ходатайствуютъ объ освобожденіи архимандрита Неофита Бозвели изъ заключенія. Вслѣдствіе сихъ ходатайствъ, Неофитъ Хилиндарскій Бозвели былъ возвращенъ

изъ ссылки въ томъ же 1845 году и снова пріѣхалъ въ Константинополь, гдѣ сообща съ о. Иларіономъ Стояновичемъ опять сталъ хлопотать о возстановленіи болгарской церковной іерархіи и въ іюлѣ 1845 года подалъ, по уполномочію пребывавшихъ въ Константинополѣ болгаръ, прошеніе Портѣ, въ которомъ высказаны были слѣдующія желанія: 1) патріархія должна объяснить происхожденіе своихъ долговъ, указавъ, кто заключалъ займы и для чего были израсходованы полученныя отъ этихъ займовъ деньги; 2) если окажется, что эти займы были правильно и законно заключены, то необходимо опредѣлить для каждой епархіи порознь сумму, которую она должна вносить на ихъ погашеніе, и запретить на будущее время заключеніе займовъ для общеполезныхъ дѣлъ безъ спроса епархій; 3) въ болгарскія епархіи должны быть посылаемы архіереи изъ болгаръ, дабы они объясняли населенію обязанности его къ Богу, царю и ближнимъ на собственномъ его языкѣ; 4) необходимо назначить содержаніе архіереямъ и опредѣлить размѣры слѣдующаго имъ вознагражденія за совершеніе священнодѣйствій; 5) должно установить, чтобы на будущее время въ синодѣ присутствовали вмѣстѣ съ греческими архіереями и трое изъ болгарскихъ; 6) архіереи должны быть избираемы населеніемъ, а рукополагаемы патріархомъ, и не должны быть смѣняемы иначе, какъ по распоряженію Высокой Порты и по желанію самаго населенія; 7) представителями болгарскаго народа предъ правительствомъ должны быть природные болгары въ числѣ четырехъ, которые бы сносились съ правительствомъ посредствомъ грековъ. Правительство будетъ у нихъ освѣдомляться о нуждахъ и желаніяхъ болгарскаго народа и чрезъ нихъ будетъ сообщать свои рѣшенія касательно этихъ нуждъ и желаній.—Въ то же время о. Иларіонъ Стояновичъ подалъ тогдашнему верховному визирю Решидъ-пашѣ докладную записку объ отношеніяхъ грековъ къ болгарамъ и о греческихъ политическихъ проэктахъ, въ которой, инсинуируя на грековъ, пред-

лагалъ Портѣ, чтобы она выдѣлила болгарскій народъ отъ грековъ и съ этою цѣлію дала болгарамъ возможность выстроить собственную церковь въ Константинополѣ, съ предоставленіемъ имъ права издавать въ столицѣ газету, которая могла бы содѣйствовать укрѣпленію ихъ привязанности къ правительству. Порта должна позаботиться, чтобы въ болгарскія епархіи посылались архіереями болгары же, дабы они могли поучать народъ на собственномъ его языкѣ, объясняя ему милостивое расположеніе къ нему султанскаго правительства и гибельные проэкты грековъ. Каждая епархія должна имѣть своего преставителя въ Константинополѣ, который бы доводилъ до свѣдѣнія правительства ея нужды и желанія и былъ бы ея поручителемъ предъ нимъ. Высокой Портѣ слѣдуетъ также постараться объ открытіи въ Болгаріи школъ, дабы болгарское юношество не имѣло надобности отправляться за границу для своего образованія. Начальствующимъ необходимо запретить занятіе торговлей въ компаніи съ другими лицами, ибо это даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ [1]).

Не знаемъ, имѣли ли это прошеніе и эта записка какую-либо связь съ попытками свѣтскихъ лицъ въ 1844 году урегулировать внутреннія церковно-іерархическія отношенія константинопольской патріархіи и добиться участія въ избраніи іерарховъ и церковно-судныхъ дѣлахъ,—попытками, окончившимися неудачею [2]). Во всякомъ случаѣ, безуспѣшность стремленій и усилій народнаго собранія не обѣщала успѣха и представленіямъ Неофита Бозвели и Иларіона Стояновича. Греческое церковное начальство очернило этихъ двухъ болгарскихъ дѣятелей предъ представителемъ Россіи и послѣ того уже безъ труда выхлопотало у Порты

---

[1]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 154—167.

[2]) Литографическая „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 13 и 14 и др., см. тамъ же, замѣчанія на постановленія церковно-народнаго собранія, № 90.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

фирманъ о ссылкѣ ихъ на Аѳонъ. Неофитъ умеръ въ 1848 году въ тюрьмѣ, а Иларіонъ получилъ свободу лишь въ 1849 году, благодаря ходатайству А. Н. Муравьева, пріѣзжавшаго тогда на Аѳонъ въ свитѣ великаго князя Константина Николаевича.

Вскорѣ болгарамъ представился удобный случай возобновить свое ходатайство о принадлежащихъ имъ правахъ. Этимъ случаемъ было путешествіе султана Абдулъ-Меджида въ 1846 году чрезъ Болгарію. Болгары тырновской епархіи подали султану просьбу о смѣненіи своего митрополита и о назначеніи на его мѣсто архипастыря изъ болгаръ. Вслѣдствіе этого митрополитъ былъ удаленъ съ тырновской каѳедры, но преемникомъ его былъ назначенъ снова грекъ.

Въ слѣдующемъ 1847 году снова обнаружилось между Константинопольскими болгарами движеніе противъ преобладанія грековъ и выразилось въ мысли о сооруженіи болгарской церкви въ столицѣ. Благодаря содѣйствію князя Стефана Вогоридиса, они успѣли исходатайствовать въ 1849 году у патріарха разрѣшеніе на постройку особаго для болгаръ храма въ столицѣ, которое, по стараніямъ того же Вогоридиса, было вскорѣ утверждено султанскимъ фирманомъ. Вогоридисъ подарилъ подъ церковь собственный обширный домъ въ Фанарѣ, въ которомъ и устроена была въ томъ же году временная церковь. При ней состояли постоянные священники изъ богаръ, которые совершали богослуженіе по всѣмъ праздникамъ на славянскомъ языкѣ, и кромѣ того, съ 15 августа 1851 года,—титулярный епископъ, въ каковой санъ первоначально возведенъ былъ изъ австрійскихъ сербовъ Стефанъ Ковачевичъ, съ титуломъ епископа лаодикійскаго и болгарскаго [1]).

---

[1]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 169—177. О титулѣ епископа Ковачевича см. также письмо его къ архим. Петру, въ бумагахъ послѣдняго.

III.

Неизвѣстно, какъ далеко и въ какомъ направленіи пошло бы стремленіе болгаръ къ отдѣленію себя отъ греческой іерархіи и образованію своей собственной, если бы оно не было пріостановлено на время въ своемъ развитіи восточною войной 1853—5 годовъ. Но есть нѣкоторыя примѣты, что вслѣдъ за церковно-іерархическимъ вопросомъ объ образованіи особой болгарской іерархіи стали подниматься болгарами и вопросы чисто политическіе, касавшіеся внутренняго устройства турецкаго государства, насколько они имѣли отношеніе къ внѣшнему благосостоянію болгаръ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ записка болгарина Александра Екзарха или Екзархова, поданная имъ великому визирю Решидъ-пашѣ въ концѣ 1850 или въ началѣ 1851 года, въ которой онъ, по желанію самаго Решида-паши, описалъ нѣсколько извѣстныхъ ему случаевъ произвольнаго и деспотическаго обращенія турокъ съ жителями сѣверной Болгаріи, съ 6 ноября 1847 года по 28 іюля 1850 года. Записка эта основана на сообщеніяхъ и слухахъ, полученныхъ Екзарховымъ изъ Ески-Загры, Тырнова, Ямболи, Чирпанъ, Сіамли, Отукёля, Оршовицы, Габрова, Систова, Карлова, Виддина и другихъ мѣстъ и оканчивается проэктомъ Екзархова, въ которомъ онъ предлагаетъ турецкому правительству нѣкоторыя мѣры къ успокоенію и обезпеченію болгарскаго населенія Турціи. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, если не самъ Екзарховъ, то нѣкоторые корреспонденты его, давшіе матеріалъ для его записки, иногда прямо говорятъ о знакомствѣ своемъ съ тогдашними политическими движеніями западно-европейскихъ народовъ противъ своихъ правительствъ и тѣмъ какъ бы угрожаютъ косвенно турецкому правительству, въ случаѣ неудовлетворенія имъ желаній Болгаръ. „Намъ приходится иногда читать журналы,—писали изъ Ески-Загры 6 апрѣля 1849 года,—и съ нѣкотораго времени мы начали

часто замѣчать, что почти во всей Европѣ народы возстаютъ противъ своихъ правительствъ. Мы удивляемся этому: что можетъ принуждать ихъ прибѣгать къ такимъ крайностямъ? Ихъ государи не столь же ли добры и мудры, какъ и нашъ,—да хранитъ его Богъ"?

Для обращика, приводимъ нѣсколько разсказовъ изъ записки Екзархова, довольно ярко обрисовывающихъ безправное положеніе болгарскаго простолюдина. „Правительство предписало,—писали изъ Ески-Загры 19 декабря 1847 года, — чтобы судъ мѣстнаго совѣта былъ произносимъ только съ сознаніемъ вины и при достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Что же? Выходитъ изъ этого совершенно противное; ибо христіанинъ напрасно будетъ доказывать неоспоримость своихъ правъ предъ мусульманиномъ, если не представитъ двухъ свидѣтелей мусульманъ, что́ невозможно. Онъ не только лишается своихъ правъ, но еще присуждается къ уплатѣ штрафа, хотя бы въ его пользу свидѣтельствовали 1000 христіанъ". „На этихъ дняхъ,—писали изъ Сіамли 23 іюня 1848 года, въ нашей деревнѣ одинъ рекрутъ имѣлъ дерзость посѣтить молодую дѣвушу, которая работала въ полѣ съ отцемъ своимъ, съ намѣреніемъ обезчестить ее даже въ присутствіи отца. Когда бѣдный отецъ думалъ просьбою и слезами отклонить его отъ этого намѣренія, этотъ злодѣй, чтобы отдѣлаться отъ отца, повергъ его на землю выстрѣломъ изъ ружья и убилъ. Братъ этой несчастной жертвы тотчасъ пошелъ просить совѣтъ объ отмщеніи, но такъ какъ не могъ представить двухъ свидѣтелей мусульманъ, то и это преступленіе, какъ и другія, останется тоже ненаказаннымъ". „Нашъ промыселъ,—писали изъ Отукѣля 7 іюля 1849 года,—состоитъ въ разведеніи стадъ, въ выгонѣ ихъ въ самое благопріятное время года на горы, гдѣ они находятъ изобильное количество корма, что намъ даетъ возможность, откормивши однажды, отправлять въ столицу для тамошняго продовольствія. Въ прежніе годы намъ сильно препятствовали пользоваться нашими правами

на пастбища по горамъ и пустопорожнимъ землямъ страны; но до конца успѣли мы все это вынести, единственно по своему терпѣнію и своей безропотности. Нынѣшній годъ это дошло до крайнихъ предѣловъ. Злодѣи, поощряемые, безъ сомнѣнія, безнаказанностію, попираютъ ногами всѣ законы божескіе и человѣческіе и, не довольствуясь тѣмъ, что мѣшаютъ намъ ходить навѣщать наши стада, они дошли до дерзости убивать вездѣ, гдѣ только встрѣтятъ. А что всего безнадежнѣе для насъ бѣдныхъ болгаръ, такъ это то, что, когда мы ходили увѣдомить о томъ губернаторовъ, они пожимали плечами въ знакъ невѣроятности и грубо отсылали насъ назадъ. Эти безчестные люди со дня св. Георгія наложили на насъ подать, чему мы не смѣли противиться, простирающуюся до 36900 піастровъ (піастръ= 10 копѣекъ). Тѣ изъ насъ, которые не могли тотчасъ заплатить суммы, требуемой этими разбойниками, были принуждены согнать свои стада съ горъ во время самыхъ сильныхъ жаровъ, отъ чего больше половины околѣло. А сколько умерщвлено нашихъ пастуховъ, вздумавшихъ—было противиться"! Аги, входящіе въ составъ городскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, „по деревнямъ насильно заставляютъ ходить на барщину, — писали изъ Ямболи 16 августа 1849 г., жать ихъ хлѣбъ, возить ихъ снопы, убирать въ амбары ихъ солому и проч. По городамъ они принуждаютъ цеховыхъ мастеровъ, которые такъ ихъ боятся, что не смѣютъ на нихъ жаловаться, брать у нихъ всѣ съѣстные припасы: бакалейщикамъ разсылаютъ соль, кожи, хлѣбопекамъ—зерновой хлѣбъ, скорнякамъ—овечьи шкуры, а также и другія вещи". „Въ день св. Іоанна Предтечи,—писали изъ Систова 8 апрѣля 1850 года,—большое число христіанъ, пришедши, по заведенному обычаю, на богомолье въ монастырь, отстоящій отъ города на половину лье, вдругъ увидѣло себя запертымъ въ этомъ монастырѣ и окруженнымъ значительною толпой мусульманъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Къ счастію, нѣсколькимъ христіанамъ удалось ускользнуть,

Они прибѣгаютъ къ мудиру и доносятъ объ опасности, которая имъ угрожаетъ. Тотъ стремглавъ летитъ на мѣсто, разгоняетъ злодѣевъ и захватываетъ ихъ предводителей, которые наивно объявляютъ, что кадій и улемы Систова послали ихъ избить безъ милосердія христіанъ, находящихся въ монастырѣ". „Одна бѣдная женщина, по имени Ѳеодора,— писали изъ Ески-Загры 13 мая 1850 года,— живущая въ Травнѣ, тырновскаго уѣзда, лишась всего, поселилась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ городѣ съ двумя дочерьми, которыхъ она помѣстила къ мусульманамъ въ качествѣ служанокъ. Младшая, 11 лѣтъ, поступила къ Тагиръ-Байрактаръ для служенія въ гаремѣ. Вѣроятно, обѣщаніями и подаркомъ какихъ нибудь платьевъ ее склонили къ отступленію отъ своей вѣры. Бывъ приведена одною изъ женщинъ гарема въ мѣстный меджлисъ, бѣдная дѣвочка объявила, что она хотѣла бы принять исламизмъ; а когда старѣйшина, находившійся при этомъ, возразилъ, что она еще не въ такомъ возрастѣ, чтобы различать, что такое религія, кади велѣлъ позвать депутата архіерейскаго и двухъ или трехъ знатнѣйшихъ жителей и въ присутствіи этихъ лицъ обратился къ дѣвочкѣ со слѣдующими вопросами: „зачѣмъ ты, милая дѣвочка, пришла сюда"?—„За тѣмъ, что я хочу сдѣлаться мусульманкою". И нарочно повторивши этотъ вопросъ три раза, онъ велѣлъ выйти дѣвочкѣ изъ меджлиса; ее отдали на руки женщинѣ, приведшей ее сюда. Тогда кади, обращаясь къ свидѣтелямъ, прибавилъ: „По нашимъ законамъ, коль скоро дитя, даже семилѣтняго возраста, изъявляетъ желаніе принять исламизмъ, то нашъ долгъ принять его, не спрашиваясь никого. А какъ я замѣтилъ, что вашъ старѣйшина противился этому, то я пригласилъ васъ, а вы видѣли и слышали, какъ дѣвочка сдѣлала такриръ. Теперь, если вы хотите писать о томъ вашему патріарху, то это—ваша воля". При этомъ извѣстіи бѣдная мать прибѣжала въ сопровожденіи старшей дочери, и коль скоро дочь замѣтила ее, со слезами бросилась къ ней на шею,

умоляя ее взять съ собою; но варвары вырвали ее изъ объятій при помощи полиціи, не смотря на раздирающіе вопли матери, которую они дерзнули обругать и исколотить палками. Принуждена была бѣдная женщина оставить эти мѣста и навсегда отказаться видѣть свою дочь". Но еще возмутительнѣе были нижеслѣдующіе случаи. По сообщенію изъ Отукёля отъ 24 іюня 1850 года, „два албанца, отправляясь въ свою сторону и желая выбрать себѣ двухъ хорошенькихъ болгарокъ, добились того, что начальство снабдило ихъ тескере, подтверждающимъ, будто бы они путешествовали со своимъ гаремомъ. Тогда они ночью вломились въ дома, гдѣ дѣйствительно находились хорошенькія дѣвушки, и похитили ихъ. На другой день родственники хотѣли подать жалобу начальству; но ихъ прогнали съ бранью. Какой-то христіанинъ, проходя по улицѣ, услышавъ плачъ и рыданія этихъ дѣвушекъ, далъ знать другимъ, и они ворвались въ домъ, чтобы ихъ освободить оттуда. Тогда собрались турки въ большомъ количествѣ, обнажили сабли, ранили четверыхъ или пятерыхъ болгаръ и безъ милосердія схватили дѣвушекъ и увлекли ихъ въ сосѣднюю гору. Наконецъ болгары, жертвы своего великодушія, постоянно изрѣзываемые ятаганами албанцевъ, возстали на защиту, и въ заключеніе одинъ изъ албанцевъ былъ убитъ. Увы! тогда 20 старѣйшинъ нашихъ были схвачены и посажены въ тюрьмы, гдѣ находятся и понынѣ". Если кто изъ жандармовъ белюкъ-баши вздумаетъ жениться на болгарской дѣвушкѣ, то обращается къ белюкъ-баши. „Ефендимъ,— говоритъ онъ,—я хочу во что-бы то ни стало сдѣлать изъ этой дѣвушки мусульманку и потомъ жениться на ней; но она не хочетъ того, а равно и ея родители: аманъ, что нужно дѣлать"? — „Сафооглу,—отвѣчаетъ билюкъ-баши,— утащи ее". Онъ собираетъ тогда своихъ товарищей; они окружаютъ домъ, дѣйствительно похищаютъ молодую дѣвушку, увозятъ ее въ Албанію, тамъ силою заставляютъ ее принять исламизмъ, и наконецъ похититель ея женится

на ней. Родители въ отчаяніи обращаются сначала къ билюкъ-баши. „Ну,—говоритъ онъ,—вы мерзавцы и скоты, ваша дочь развратной жизни". Передъ совѣтомъ кади отвѣчаетъ имъ: „ваша дочь дѣйствительно ушла"., и ихъ выгоняютъ. Наконецъ они идутъ къ архіерею, гдѣ несчастные сильнѣе предаются своему горю, и онъ удостоиваетъ выслушать ихъ долгую и безполезную рѣчь съ слѣдующимъ послѣднимъ рѣшеніемъ: „я не могу ссориться съ мудиромъ и кадіемъ изъ-за дѣвки позорной жизни". Въ случаѣ притѣсненія и поборовъ со стороны мудира и десятиньщика, болгары въ отчаяніи приходятъ къ архіерею искать защиты и совѣта; но тотъ, будучи угощенъ, безъ сомнѣнія, обѣдомъ, или имѣя нужду щадить власти, чтобы и онѣ ему не мѣшали въ свою очередь дѣлать подобныя вещи, отвѣчаетъ имъ: „дѣти мои! нельзя дѣлать иначе; ибо это—воля султана. Вы должны повиноваться. Остерегайтесь противиться высочайшему указу! Мы пропадемъ, согласитесь, мои дѣти! Вамъ дадутъ время для выплачиванія. Идите, да благословитъ васъ Богъ"!

Всего тяжелѣе для болгаръ было то, что естественные ихъ покровители и защитники, именно духовныя лица и народные старѣйшины, вмѣсто защиты, становились на сторону притѣснителей. „Духовное сословіе съ давняго времени,—писали изъ Ески-Загры 17 ноября 1847 года, по своему невѣжеству и своей огрубѣлости не будучи въ состояніи поддерживать своего достоинства, впало въ состояніе совершеннаго униженія и, что для него всего ужаснѣе, оно смотритъ на свое положеніе, какъ на самое низкое ремесло, и грубѣетъ отъ того. Архіепископы и старѣйшины одни могли бы ихъ возстановить, внушая имъ любовь къ своему званію и чувство собственнаго достоинства; но и эти господа имѣютъ предметомъ своимъ другія занятія. Архіепископы, гордясь громкими своими титулами, титулами святыхъ, думаютъ только объ умноженіи своихъ богатствъ, при помощи которыхъ они держатся на своихъ

мѣстахъ, торгуютъ своею совѣстію и покрываютъ себя мантіею, чтобы задать страху низшимъ и этимъ средствомъ вытянуть у нихъ до послѣдняго *пара*. Что для нихъ значатъ ложь и лицемѣріе? Они смотрятъ на нашихъ бѣдныхъ священниковъ, которые служатъ ихъ орудіями, какъ на подчиненныхъ, какъ на рабовъ". „Извѣстно,—говорится въ другомъ мѣстѣ записки,—какъ въ Константинополѣ они безнравственны, низки и жадны къ деньгамъ, какъ достигаютъ этого важнаго пòста и какъ, задолжавши отъ 100 до 1000000 піастровъ, они ѣдутъ къ намъ бѣднымъ болгарамъ нагрѣвать руки именемъ религіи, безъ стыда, безъ жалости. Они немилосердно налагаютъ на каждую чету отъ 12 до 16 піастровъ, берутъ все, что имъ попадетъ подъ руку: платье, домашнюю утварь, съѣстные припасы и проч.,—все имъ хорошо". „Старѣйшины, съ своей стороны, считаютъ себя представителями націи, потому что они засѣдаютъ на совѣтахъ, и что, по ихъ понятіямъ, это достоинство возвышаетъ ихъ предъ другими, присвоютъ себѣ видъ и титла дворянства и воображаютъ себѣ, что страна очень счастлива, обладая ими. Посмотрите же на нихъ на дѣлѣ! Всѣ средства ихъ направлены къ достиженію предположенной ими цѣли, это—дѣлать то же, что епископы, копить богатства. Кто вздумалъ бы возражать противъ ихъ управленія, того тотчасъ назовутъ интриганомъ и возмутителемъ". „Наши жители раздѣлены на двѣ партіи,—писали изъ Ески-Загры 13 октября 1848 года: одна состоитъ изъ людей честныхъ, но простыхъ, которые хотятъ обуздать злоупотребленія и требуютъ отрѣшенія старѣйшинъ. Послѣдніе интригуютъ, чтобы удержаться. Нѣсколько знатныхъ турокъ берутъ сторону то однихъ, то другихъ, но съ намѣреніемъ поддерживать такое раздѣленіе и окончательно назначать старшинъ по своему выбору, и притомъ такъ, чтобы ничто не противилось исполненію произвольныхъ плановъ ихъ и ихъ хищничеству. При всѣхъ таковыхъ столкновеніяхъ, старѣйшины запускаютъ дѣла, небрегутъ о шко-

лахъ, не платятъ учителямъ и дѣлаютъ такъ, что бѣдный народъ, утомленный сопротивленіемъ, обязанъ подчиняться и умолять ихъ о томъ, чтобы они оставались въ должности". „Наше правительство не обращало еще своего вниманія на этотъ родъ чиновниковъ и смотритъ на нихъ, какъ на гарантію, даваемую населеніямъ, между тѣмъ какъ эти негодяи, условливаясь съ мусульманами, поступаютъ въ янычары, и это отродье, не исключая епископовъ и архіепископовъ, это скопище кровопійцъ вырываетъ у насъ до послѣдняго *пара* и высасываетъ по каплѣ нашу кровь".

Записка А. Екзархова, искренно или притворно, вѣритъ еще въ правосудіе и милость турецкаго правительства и султана, но считаетъ ихъ недосягаемыми для простыхъ смертныхъ, систематически отдаляемыхъ отъ своего государя низшими провинціальными чиновниками. „Если крестьяне вздумаютъ идти въ Константинополь жаловаться и увѣриться, дѣйствительно ли (подложный) фирманъ, по которому дѣйствовали, есть воля ихъ милосердаго государя, то наши безчестные плуты прибѣгаютъ къ новому средству. Они отправляютъ гиръ-билюкъ-башей, переодѣтыхъ болгарами, въ сосѣднія горы, съ приказомъ чинить всякаго рода разбой. Эта переодѣтая шайка, и говорящая совершенно по-болгарски, нападаетъ сначала на тѣхъ пастуховъ, которые намѣреваются идти въ Константинополь жаловаться, страшными угрозами заставляетъ ихъ поскорѣе отыскать своихъ хозяевъ, чтобы они принесли или прислали въ назначенное мѣсто и часъ сумму, болѣе или менѣе значительную, съ присовокупленіемъ, что если онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ приказано, то шайка прежде всего перерѣжетъ и уничтожитъ ихъ стада. Мало того, эти бѣшеные врываются ночью въ деревни, отрываютъ отъ сна и хватаютъ тѣхъ, которыхъ только что послали за требуемою суммою, мучатъ ихъ и часто даже убиваютъ. Если кому удастся ускользнуть изъ ихъ кровожадныхъ рукъ, пробраться въ Константинополь въ надеждѣ найти и получить правосудіе, то каймакамъ и архіерей поспѣшно пишутъ одинъ къ сво-

ему каши-кигаіа, а другой къ патріарху, и такимъ образомъ они успѣваютъ не только сдѣлать недѣйствительнымъ ихъ искъ, но и убѣдить правительство, что челобитчики-интриганы, и если ихъ не заковываютъ въ кандалы и не сажаютъ въ тюрьму, то эти несчастные съ отчаяніемъ въ душѣ остаются въ Константинополѣ, не смѣя возвратиться къ своимъ, и часто умираютъ тамъ вдали отъ своихъ неутѣшныхъ семействъ и въ совершенной нищетѣ".

Безправное, безвыходное положеніе болгаръ вызвало въ Виддинѣ въ 1850 году возмущеніе, объ обстоятельствахъ котораго, однако, мы не имѣемъ свѣдѣній [1]). Это возмущеніе произвело сильное впечатлѣніе на турокъ, которые, вслѣдъ за нимъ, ожидали возстанія всей Болгаріи и готовились залить его болгарскою кровію. „Виддинскія возмущенія,—писали изъ Ески-Загры отъ 28 іюля 1850 года,—произвели на здѣшнихъ мусульманъ глубокое впечатлѣніе. Коль скоро кади замѣчаетъ христіанина, хорошо одѣтаго, обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: „знаете ли о томъ, что происходитъ тамъ—выше"? И это—такимъ тономъ, чтобы дать понять, что бунтъ готовъ вспыхнуть во всей Болгаріи. Достаточно возбудить подозрѣніе въ простыхъ и легковѣрныхъ мусульманахъ, чтобы ихъ вооружить противъ насъ. Судите, какова должна быть наша тревога, когда мы не знаемъ ни того, что происходитъ, ни того, что готовится... Вчера кадій велѣлъ отточить оружіе и запастись патронами и другими вещами. Не знаю, противъ какихъ призраковъ онъ готовится такъ сражаться,—и это—надзоръ главнаго начальника"?

---

[1]) Впослѣдствіи объясняли, что это возмущеніе произведено происками мѣстнаго архіерея (см. письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра). Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что около 1851 г. виддинскіе болгары жаловались на притѣсненія своего архіерея и просили о назначеніи ему опредѣленнаго содержанія взамѣнъ разныхъ поборовъ, взысканіе которыхъ сопровождалось вопіющими злоупотребленіями („Грекоболгарская распря" Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", январь, 1886 г., стр. 179).

Вѣроятно, тревожное состояніе Болгаріи, вызванное виддинскими событіями, и побудило г. Екзархова подать Решиду-пашѣ свою записку, въ которой онъ, стоя на вѣрноподданнической точкѣ зрѣнія, старался доказать, что виддинское возмущеніе направлено было не противъ верховной власти султана, а противъ злоупотребленій провинціальныхъ властей и чиновниковъ. Соотвѣтственно этому, г. Екзарховъ предлагалъ турецкому правительству слѣдующія мѣры для успокоенія и обезпеченія болгарскаго населенія Турціи: „1) учредить повсемѣстно, гдѣ нужно будетъ, смѣшанныя судилища изъ мусульманъ и христіанъ, на которыхъ бы рѣшались дѣла между мусульманами и христіанами, и кромѣ того дозволить христіанамъ образовать семейныя судилища, гдѣ всѣ дѣла между ними рѣшались бы сообразно съ законами имперіи. 2) Дозволить болгарамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, строить себѣ церкви всюду, гдѣ будетъ нужно, избирать своихъ священниковъ, епископовъ и архіепископовъ, прилично вознаграждать посредствомъ денежнаго жалованья и предоставить имъ вліяніе только нравственное. 3) Образовать въ каждомъ уѣздѣ родъ совѣта старѣйшинъ, избираемыхъ городскими и сельскими жителями, дабы чрезъ него правительство освѣдомлялось о нуждахъ народа. Совѣтъ этотъ, будучи возобновляемъ ежегодно, долженъ собираться также ежегодно въ опредѣленное время, и каждый изъ членовъ обязанъ сообщать свѣдѣнія правительству, которое могло бы судить о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи извѣстнаго мѣста, имѣть обстоятельныя или статистическія свѣдѣнія о хлѣбопашествѣ и торговлѣ, о финансахъ, состояніи дорогъ, о приращеніи и убыли населенія, о состояніи общественнаго здравія, о числѣ школъ, количествѣ воспитанниковъ, о числѣ и свойствѣ процессовъ, нуждахъ, бѣдствіяхъ и проч. Дѣйствіе этого совѣта произвело бы благопріятное впечатлѣніе какъ на народъ, такъ и на депутатовъ. 4) Предоставить болгарамъ, кромѣ всѣхъ другихъ правъ, право избирать

себѣ адъюдикаторовъ десятинъ (?) всякаго рода. Избираемые изъ лицъ на хорошемъ счету, безъ залоговъ, такъ какъ они—главные поземельные собственники, адъюдикаторы условливаются между собою относительно гарантіи каждаго и назначенія сборщиковъ податей, облеченныхъ достаточнымъ полномочіемъ. Нѣтъ ничего проще, чтобы сдѣлаться адъюдикаторами. Болгары назначили бы депутатомъ передъ правительствомъ одного изъ наиболѣе почетныхъ своихъ согражданъ, которому бы даны были всевозможныя полномочія въ этомъ дѣлѣ, и этотъ депутатъ, уполномоченный такимъ образомъ, имѣлъ бы главною обязанностію наблюдать за аккуратною уплатою адъюдикацій, денежныхъ налоговъ и всего, сюда относящагося, разсматривать сообщенія, доставляемыя совѣтомъ старѣйшинъ, исправлять и сообщать правительству. Такимъ образомъ былъ бы упрощенъ составъ администраціи. Между тѣмъ, пока этотъ способъ практиковался бы въ теченіи десяти лѣтъ сряду, правительство предписало бы (и оно имѣло бы на то время) измѣрить, оцѣнить и правильно обложить данью земли имперіи какъ воздѣлываемыя, такъ и невоздѣлываемыя“ [1]).

Но когда эти желанія и проэкты остались неисполненными и бѣдствія болгаръ не прекратились, то записка Екзархова получила, по видимому, иное движеніе и циркулировала въ русскихъ политическихъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ русской константинопольской миссіи мы нашли полный переводъ ея и, кромѣ того, краткій экстрактъ изъ нея.

Другіе же болгары, потерявъ надежду на турецкое правительство, обращались со своими жалобами къ русскому правительству и его представителямъ. Такъ, передъ войной 1853—1855 г.г., константинопольскіе болгары подавали ка-

---

[1]) Записка А. Екзархова, въ русскомъ переводѣ, и экстрактъ изъ нея—въ бумагахъ архимандрита Петра.

кое-то прошеніе князю Меньшикову въ бытность его въ Константинополѣ. Наконецъ, болгары, проживавшіе въ Валахіи и Молдавіи, обратились съ просьбою къ Государю Императору Николаю Павловичу, при вступленіи русскихъ войскъ въ княжества въ 1853 году [1]).

IV.

Какъ извѣстно, война 1853—1855 г.г., благодаря заступничеству нѣкоторыхъ державъ за Турцію, была для насъ неудачна. Но тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ неблагопріятными послѣдствіями, она имѣла и благотворные для болгаръ результаты и въ общемъ итогѣ содѣйствовала дальнѣйшему ходу возрожденія болгарской народности.

Ближайшимъ образомъ восточная война 1853—1855 г. неблагопріятно отозвалась на болгарахъ, проживавшихъ въ Валахіи и Молдавіи. При очищеніи русскими войсками при-дунайскихъ княжествъ въ 1854 году, до 1000 болгарскихъ семействъ должны были оставить свои жилища и съ 40000 рогатаго скота переселились въ Россію и водворились въ Новороссійскомъ краѣ [2]). Русское правительство старалось облегчить участь этихъ переселенцевъ, выдавало денежныя пособія переселяющимся волонтерамъ въ Новороссійскій край и предоставляло званіе почетнаго гражданина тѣмъ изъ нихъ, кои были офицерами въ болгарской дружинѣ [3]). Но по трактату 1856 года, часть русской Бессара-

---

[1]) Письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра. Сн. „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря", Т. И. Филиппова, 1870 г., стр. 14—15.

[2]) Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября, 1858 г., стр. 4, въ бумагахъ архим. Петра.

[3]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, въ бумагахъ архим. Петра, стр. 11, № 29. Опись эта составлена архим. Петромъ въ 1858 г., съ означеніемъ содержанія дѣлъ и выписками изъ нихъ, но, къ сожалѣнію, большею частію безъ хронологическихъ датъ.

бiи отошла къ Турцiи, а въ этой части была значительная доля и болгарскаго населенiя. По этому поводу жители г. Болграда представили Государю Императору Александру Николаевичу скорбный адресъ, на которомъ Его Величество изволилъ начертать слѣдующiя многознаменательныя, пророчественныя слова: „Читая эти строки, у меня, признаюсь, сердце обливалось кровью. Богъ милостивъ! Наступятъ, можетъ-быть, лучшiя времена“ [1]).

Гораздо опаснѣе и прискорбнѣе было другое неблагопрiятное послѣдствiе восточной войны 1853—1855 г.г., это именно усиленiе иновѣрной пропаганды и политическаго вліянiя западныхъ державъ въ предѣлахъ Турцiи.

Со времени восточной войны 1853—1855 г.г. „въ латинской церкви оживляется давняя мысль о соединенiи церквей“,—говоритъ записка 1858 года. „По извѣстнымъ эпохамъ и съ новыми силами стремится она къ своей цѣли. Какъ всегда повторялось въ годины испытанiй, неисповѣдимыми судьбами Божiими насылаемыхъ на древнѣйшую часть вселенской церкви и на первозванный изъ языковъ греческiй народъ: такъ и нынѣ видимъ латинскую церковь исполненную властолюбивыхъ надеждъ и злонамѣренной дѣятельности. По замиренiи, агенты римской пропаганды начали между славянами распространять преувеличенныя понятiя о народныхъ правахъ, дабы не только отторгнуть ихъ отъ греческой церкви, но, льстя ихъ народной гордости и самобытности, въ то же время поселить въ нихъ вражду и къ Россiи. За унiю и подчиненiе папѣ они щедры въ обѣщанiяхъ“ [2]). И мы увидимъ впослѣдствiи, что на эту соблазнительную приманку польстились нѣкоторые изъ самыхъ горячихъ, молодыхъ борцовъ за возстановленiе само-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10, № 24; сн. стр. 11, № 31. Въ своей черновой записѣ 15 окт. 1860 г. архим. Петръ говоритъ, что адресъ болградскихъ болгаръ составленъ былъ Рачинскимъ.

[2]) Въ бумагахъ м. Григорiя, № 79.

бытности болгарскаго народа и тѣмъ только нарушили національное единство болгарскаго самосознанія и единодушіе и затормозили то дѣло, которому думали служить.

О состояніи и дѣятельности римской пропаганды на Востокѣ во время и послѣ войны 1853—1855 г.г. мы имѣемъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ распоряженіи пропаганды находился капиталъ въ 3,600,000 франковъ, полученныхъ путемъ сбора отъ католическихъ націй. Главными пунктами или центрами ея въ Турціи были: 1) Молдавія съ однимъ епископомъ; 2) Валахія и Болгарія съ однимъ епископомъ; 3) Боснія съ однимъ епископомъ и двумя миссіями, изъ коихъ одна—іезуитская; 5) Албанія съ шестью епископами; 6) Константинополь съ двумя архіепископами, миссіей лазаристовъ и сестрами милосердія; 7) Сира съ однимъ епископомъ; 8) Острова Тинъ и Санторинъ съ двумя епископами и сестрами милосердія; 9) Греція съ іезуитами и капуцинами, и 10) Корфу съ однимъ епископомъ и миссіей капуциновъ. На все это тратилось въ европейской Турціи ежегодно 202,300 фр., а во всей Оттоманской имперіи 528,600 франковъ. Средствами католической пропаганды были: печатаніе книгъ, общественное воспитаніе, человѣколюбивыя заведенія и наглыя клеветы на Россію. Такъ напр., между другими клеветами, пропаганда распространяла слухъ, будто Россія „всюду ласкаетъ схизматизмъ, чтобы поработить его, и что она кровью ихъ миссіонеровъ обагряетъ копья курдовъ“ [1]).

Рядомъ съ католической пропагандой развивала свою дѣятельность и пропаганда протестантская, хотя и не съ такой навязчивостью и нахальствомъ. „Болгарію безпокоитъ пропаганда“, — писалъ архимандритъ Петръ въ іюнѣ 1859 года. „Католики, протестанты и—отрасль ихъ—члены свободной церкви (Independence Church), каждое изъ сихъ обществъ, угнѣздясь въ извѣстныхъ городахъ, въ Солуни,

[1]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, стр. 15, № 7.

Манастырѣ, Софіи, Рущукѣ, Филиппополѣ, Варнѣ, Шумлѣ, Никополѣ и преимущественно въ Стамбулѣ, разсылаетъ своихъ эмиссаровъ по Болгаріи, которые злокозненно благотворя воспитаніемъ, леченьемъ, книгами и—обычнѣе—совѣтами, приводятъ темный народъ въ смущеніе“ [1]). Въ одной запискѣ болгарина З. Княжескаго перечисляются слѣдующіе протестантскіе миссіонеры, дѣйствовавшіе въ 1850 годахъ въ Константинополѣ и Болгаріи: 1) Степанъ Минлетъ—Баши, проживавшій около Ени-кале, который въ 1852 или 1854 годахъ исходатайствовалъ у султана американско-протестантскимъ миссіонерамъ большой фирманъ на свободу проповѣдывать въ Турціи слово Божіе и на открытіе продажи книгъ въ Константинополѣ; 2) Атуруору Амине, изъ Парижа; 3) Чанъ Броннъ Терджеманъ, проживавшій въ Перѣ, въ собственномъ домѣ; 4) Эммануель Бошмиптсъ, докторъ медицины и хирургіи, странствовавшій съ женою по болгарскимъ городамъ съ проповѣдію слова Божія, и 5) Морсъ, главный протестантскій миссіонеръ въ Адріанополѣ. Оттуда онъ отправилъ одного миссіонера и одного проповѣдника въ Ески-Загру, Казанлыкъ и далѣе для проповѣданія слова Божія и продажи книгъ [2]). Но, по свидѣтельству нашего посланника при турецкомъ дворѣ г. Бутенева, протестанты не обратили къ себѣ ни одного православнаго и ни одного армянина [3]).

Конечно, эти миссіи находили для себя поддержку въ единовѣрныхъ имъ посланникахъ и консулахъ западно-европейскихъ державъ въ Турціи. Но, не ограничиваясь покровительствомъ своимъ единовѣрцамъ и миссіонерамъ, пред-

---

[1]) Письмо архим. Петра къ Оберъ-Прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 13. Для противодѣйствія пропагандѣ, архим. Петръ совѣтовалъ назначить трехъ миссіонеровъ изъ свѣтскихъ болгаръ и указывалъ на Княжескаго, Изворскаго и Стоянова.

[2]) Въ бумагахъ архим. Петра.

[3]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи въ бумагахъ архим. Петра, стр. 11, № 27.

ставители западно-европейскихъ державъ въ Турціи стали теперь вмѣшиваться даже во взаимныя отношенія православныхъ турецкихъ подданныхъ различныхъ національностей, поддерживая одну сторону противъ другой. Такъ напр., во взаимныхъ распряхъ между греками и болгарами англійскій посланникъ держалъ сторону грековъ, а французскій— сторону болгаръ[1]).

Самымъ же важнымъ послѣдствіемъ восточной войны 1853—1855 г. г. для рѣшенія болгарскаго вопроса было изданіе султаномъ гатти-гумаюна 6 февраля 1856 года о правахъ разныхъ національностей, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи. Этотъ гатти-гумаюнъ внушенъ былъ султану западными его друзьями, гораздо болѣе изъ ненависти къ Россіи и изъ опасенія ея политическаго и церковнаго вліянія на Востокѣ, чѣмъ по дѣйствительной заботливости о христіанскомъ населеніи Турціи; но тѣмъ не менѣе онъ совпадалъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ желаніями Россіи относительно улучшенія участи православныхъ подданныхъ султана и послужилъ для нея однимъ изъ прочныхъ основаній для дальнѣйшаго заступничества своего какъ вообще за православныхъ обитателей Турціи, такъ и въ частности за болгаръ. „Сей лживый и не очень искусно составленный актъ, писалъ $^{8}/_{20}$ ноября 1858 года русскій посланникъ при Оттоманской Портѣ Бутеневъ,—очевидно придуманъ и навязанъ туркамъ западными державами *во время оно*, гораздо болѣе изъ ненависти къ Россіи и изъ опасенія ея политическаго и церковнаго вліянія на Востокѣ, чѣмъ по дѣйствительной заботливости о христіанскомъ населеніи въ Оттоманскомъ государствѣ. Обманывавшіе и обманутые однако не замедлили почувствовать, что, ослѣпленные страстями и политическою завистію, они сами поставили себя въ самое затруднительное и безвыходное положеніе, какъ только нужно было привести въ исполненіе сей актъ, который западныя державы торжественно представляли Европѣ бла-

[1]) Опись дѣлъ Констант. миссіи, стр. 13, № 3.

годѣтельнымъ плодомъ борьбы, предпринятой противъ насъ, и началомъ освобожденія христіанъ, страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ. Порта хорошо видѣла, что сіе предполагаемое возрожденіе было для ея политическаго существованія вопросомъ жизни и смерти, и, по своему обыкновенію, она хотѣла медлить и откладывать; но, побуждаемая настоятельными требованіями своихъ совѣтниковъ, поневолѣ принужденныхъ поддерживать свои преобразованія, торжественно провозглашенныя, Порта разочла, что ей будетъ легче совершить первый опытъ надъ преобразованіемъ греческаго духовенства, порабощеннаго и испорченнаго, къ несчастію, по ея же винѣ, чѣмъ надъ другими частями своего управленія“ [1]).

Въ этомъ гатти-гумаюнѣ султанъ торжественно заявлялъ, что посредствомъ него онъ хочетъ увеличить благосостояніе и благоденствіе внутреннее, доставить счастіе всѣмъ своимъ подданнымъ, которые для него всѣ-де равны и одинаково дороги и которые соединены между собою сердечными узами патріотизма, и указать средства, способствующія со дня на день большему и большему развитію благоденствія его имперіи. Частные пункты гатти-гумаюна, которые могли имѣть отношеніе къ православному населенію и духовенству въ Турціи, были слѣдующіе: „§ 1. Всякое общество, христіанское,—или другое какое не-мусульманское, будетъ допущено въ опредѣленный срокъ и, при содѣйствіи коммиссіи, составившейся для сей цѣли изъ него самаго, приступить, съ моего высочайшаго соизволенія и подъ наблюденіемъ моей Блистательной Порты, къ изслѣдованію ея настоящихъ нуждъ и обязанностей, обсужденію тамъ и представленію Блистательной Портѣ реформъ, требуемыхъ успѣхами образованія и сообразныхъ съ духомъ

[1]) Извлеченіе изъ депеши Бутенева см. въ литографической „Запискѣ о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 1, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

времени. Права, дарованныя патріархамъ и епископамъ христіанскихъ обществъ султаномъ Магометомъ II и его преемниками, будутъ согласованы съ новымъ положеніемъ, которое имѣетъ дать моя щедрая и благосклонная воля. Правило о пожизненномъ назначеніи патріарховъ, послѣ строгаго обсужденія нынѣ дѣйствующихъ избирательныхъ постановленій, будетъ строго сообразовано съ содержаніемъ ихъ фирмановъ на пожалованіе саномъ. Патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и раввины будутъ присягать при своемъ вступленіи въ должности по формѣ, принятой вообще Блистательною Портой и духовными главами разныхъ обществъ. Церковные доходы, какой бы формы и свойства ни были, будутъ уничтожены и замѣнены опредѣленными окладами патріарху и главамъ обществъ и назначеніемъ содержанія и жалованья, строго соразмѣренныхъ съ важностію, саномъ и достоинствомъ разныхъ членовъ духовенства[1]). Не будетъ дѣлаемо никакого посягательства на движимую и недвижимую собственность разныхъ клировъ христіанскихъ; но мірское управленіе христіанскихъ обществъ или другихъ немусульманскихъ будетъ подчинено охранѣ старѣйшинъ, избираемыхъ изъ среды вышесказанныхъ обществъ, изъ членовъ клира и мірянъ. § 4. Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ народонаселеніе будетъ принадлежать всецѣло къ одной религіи, не будетъ чинимо никакого препятствія къ поправкѣ зданій, по первоначальному ихъ плану, назначенныхъ для совершенія богослуженій, для школъ, госпиталей и кладбищъ. Планы каждаго изъ этихъ зданій, въ случаѣ новаго сооруженія, будучи одобрены патріархами и главами обществъ, должны быть

---

[1]) Впервые мысль о жалованьи православному духовенству въ Турціи была подана, какъ предполагаютъ, бывшимъ княземъ самосскимъ Вогоридесомъ, который предложилъ ее представителямъ европейскихъ державъ по случаю совѣщаній о гатти-гумаюнѣ. См. литографическую „Записку о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 24 на обор., въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

представлены Блистательной Портѣ, которая утвердитъ ихъ моимъ императорскимъ указомъ или сдѣлаетъ свои соображенія въ опредѣленный срокъ. Всякое вѣроисповѣданіе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ находиться вѣроисповѣданій другихъ религій, не будетъ подвергаемо никакому роду ограниченія въ публичномъ обнаруженіи своей религіи. Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ вѣроисповѣданія перемѣшаны, всякое общество, населяющее отдѣльный кварталъ, равно можетъ, сообразуясь съ вышеизложенными правилами, поправлять и поддерживать свои церкви, госпитали, школы и кладбища. Когда же коснется дѣло до устройства новыхъ зданій, то потребуется, чрезъ посредство патріарха или главъ общества, необходимое разрѣшеніе моей Блистательной Порты, которая, при пожалованіи этого разрѣшенія, получитъ царское соизволеніе безъ административныхъ проволочекъ... Блистательная Порта приметъ энергическія мѣры къ тому, чтобы предоставить всякому вѣроисповѣданію, каково бы ни было число его послѣдователей, полную свободу при его отправленіи. § 8. Всѣ подданные моей имперіи, безъ различія, будутъ принимаемы въ гражданскія и военныя казенныя школы, если они во всемъ будутъ удовлетворять условіямъ возраста и испытанія, указаннымъ въ утвержденныхъ регламентахъ означенныхъ школъ. Сверхъ того, всякое общество уполномочивается учреждать публичныя школы художествъ, наукъ и ремеслъ. Только способъ преподаванія и выборъ профессоровъ въ школахъ сего рода будетъ подъ контролемъ смѣшаннаго совѣта народнаго просвѣщенія, члены котораго будутъ назначаемы непосредственно моимъ императорскимъ указомъ. § 12. Поелику равенство податей влечетъ за собою равенство повинностей, какъ равенство должностей влечетъ равенство правъ; то подданные христіане и другіе немусульмане должны будутъ, какъ и прежде было, наравнѣ съ мусульманами удовлетворять требованіямъ закона о рекрутствѣ. Будетъ допущена статья о замѣнѣ или выкупѣ. Будетъ

обнародованъ, въ возможно краткій срокъ, полный законъ о способѣ допущенія и службѣ въ арміи подданныхъ христіанскихъ и другихъ немусульманскихъ. § 13. Будетъ приступлено къ реформѣ относительно составленія провинціальныхъ и общественныхъ совѣтовъ, чтобы обезпечить правильность выборовъ депутатовъ изъ обществъ мусульманскихъ, христіанскихъ и другихъ и свободу подачи голосовъ въ совѣтахъ. Моя Блистательная Порта войдетъ въ соображеніе относительно употребленія самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ точному обслѣдованію и повѣркѣ результатовъ подачи голосовъ и рѣшеній“ [1]).

По обнародованіи гатти-гумаюна, Порта тотчасъ же отказалась выдавать греческому духовенству браты, которые подтверждали за нимъ льготы и преимущества, дарованныя ему по завоеваніи Константинополя турками. „Сей отказъ, писалъ нашъ посланникъ Бутеневъ $^{8}/_{20}$ ноября 1858 года, основывали на правилѣ объ отдѣленіи власти свѣтской отъ духовной, — правилѣ величайшей важности, поставленномъ на будущее время въ гатти-гумаюнѣ, и которое безъ сомнѣнія наноситъ тяжкій ударъ не только древнимъ преимуществамъ вселенскаго патріархата и высшаго духовенства, но также тѣмъ правамъ, которыя были предоставлены христіанамъ, какъ единственная защита и обезпеченіе подъ мусульманскимъ владычествомъ“ [2]). Но за то другіе пункты гатти-гумаюна или вовсе никогда не исполнялись на дѣлѣ, или же толковались различно и произвели цѣлый рядъ смутъ между православнымъ населеніемъ Турціи, среди которыхъ все болѣе и болѣе пробивалась наружу и разработывалась идея болгарской независимости, сначала церковной, а затѣмъ и политической.

---

[1]) Гатти-гумаюнъ, въ довольно неисправномъ русскомъ переводѣ, есть въ бумагахъ архим. Петра.

[2]) Извлеченіе изъ депеши Бутенева—въ литографической „Запискѣ о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 2, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

Всеобщая воинская повинность никогда не была введена въ Турціи и не была примѣнена къ христіанамъ, которые, по изданіи гатти-гумаюна, обязательно должны были откупаться отъ нея и такимъ образомъ нести на себѣ особый налогъ, дотолѣ не существовавшій. Что касается присяги мусульманскому правительству, то православное духовенство отказалось отъ нея, какъ неприличной христіанину, равно какъ отказалось и отъ опредѣленнаго казеннаго жалованья, опасаясь неисправности выдачи его и секуляризаціи церковныхъ имуществъ [1]). Далѣе, въ гатти-гумаюнѣ не было точно опредѣлено, кого нужно разумѣть подъ духовными главами обществъ разныхъ національностей, и вслѣдствіе этого возникъ цѣлый рядъ пререканій и столкновеній между греками и болгарами, имѣвшихъ подъ собою національную почву. „Турецкое правительство,—писалъ болгаринъ Н. Геровъ къ директору азіатскаго департамента Коваленскому 7 марта 1857 года, —принимаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ имперіи за одинъ народъ, называя его Румъ—милети (греческимъ народомъ), и главою сего многочисленнаго народа признаетъ патріарха константинопольскаго. Греки, пользуясь этимъ названіемъ, выставляютъ себя вездѣ, гдѣ только имъ выгодно, а на долю болгаръ оставляютъ однѣ повинности. Чтобы это не продолжалось и въ будущемъ и чтобы болгары могли пользоваться правами, обѣщанными гатти-гумаюномъ, непремѣнно должны быть признаны особеннымъ народомъ, отдѣльнымъ отъ грековъ. Но такъ какъ турецкое правительство сносится съ немусульманскими народами только посредствомъ духовныхъ ихъ главъ, то и болгары, если будутъ признаны особеннымъ народомъ, должны имѣть своего духовнаго главу, отдѣльнаго отъ

[1]) См. ту же литографическую Записку. Противъ назначенія жалованья духовенству подали также свои мнѣнія митрополиты московскій Филаретъ, 3 апрѣля 1858 г., и новгородскій Григорій, 23 апрѣля того же года. См. Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, стр. 3—5, № 8, въ бумагахъ архим. Нектарія.

патріарха, который служитъ главою и представителемъ греческаго народа, для того, чтобы онъ служилъ представителемъ болгаръ и чтобы чрезъ него правительство сносилось съ болгарами“ [1]). Къ этому и направлены были всѣ усилія болгаръ послѣ изданія гатти-гумаюна. Греки, въ свою очередь, не хотѣли добровольно отказаться отъ вѣковой власти своей надъ болгарами въ церковномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ стремленіи болгаръ къ церковной самостоятельности усматривали и политическую тенденцію, опасную для эллинизма, а потому нерѣдко отказывали даже самымъ скромнымъ и законнымъ стремленіямъ болгаръ имѣть богослуженіе и священныя книги на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ. А между тѣмъ католическая пропаганда не дремала и дѣлала обильный уловъ въ мутной водѣ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, на долю православной единовѣрной Россіи выпадалъ жребій быть примирительницею болгаръ и грековъ. „Если мы,—говорится въ запискѣ 1858 года,—желая облегчить горестную участь болгаръ, не отдѣлимъ строго ихъ законныхъ желаній отъ незаконныхъ и допустимъ хотя малѣйшее нарушеніе священныхъ правъ великой церкви, то она почтетъ насъ союзниками или слѣпыми помощниками враговъ церкви, ожесточится и противъ болгаръ и противъ насъ; тогда, можетъ быть, и законныя желанія болгаръ останутся неисполненными, и между нами и греческою церковію произойдетъ раздоръ, давно желаемый нашими врагами. Если же, заботясь единственно о мирѣ съ греческою церковію, не окажемъ въ то же время дѣятельной помощи болгарамъ въ томъ, что есть законнаго въ ихъ стремленіи къ народному просвѣщенію, то въ ихъ глазахъ станемъ наровнѣ съ австрійцами, и тогда они, не видя отъ насъ помощи, въ ожесточеніи бросятся въ унію, на которую услужливые враги ихъ давно указываютъ,

[1]) Письмо Герова—въ бумагахъ архимандрита Петра.

какъ на единственное средство къ спасенію. Чтобы не уклоняться намъ ни на шую, ни на десную, мы всегда должны памятовать 1) что Россія—держава православная, въ которой слѣдственно церковь соединена съ государствомъ, какъ душа съ тѣломъ, и что пребываніе вселенской церкви непогрѣшительною и непорочною безъ греческой невозможно; 2) что, въ качествѣ православныхъ, мы являемся на Востокѣ не представителями какой либо партіи, а законными покровителями всѣхъ единовѣрныхъ намъ племенъ, и 3) что мы не можемъ допускать подавленія ихъ языка и ихъ народности. Мысли сіи должны руководствовать насъ въ дѣлахъ Востока и указывать намъ, въ чемъ должны состоять наши желанія и наши обязанности: 1) Если враги церкви и во французскихъ, и въ нѣмецкихъ книжкахъ и журналахъ, голосами іезуитовъ и новыхъ отступниковъ, съ злою радостію разглашаютъ повсюду бывалыя и небывалыя злоупотребленія грековъ, если они успѣваютъ раздувать непріязненныя чувства славянъ къ греческой іерархіи и бѣдствія страдальцевъ умѣютъ сваливать съ турокъ и латинъ на греческое духовенство, которое, обираемое и попираемое, не въ силахъ помочь и себѣ, то мы и на Востокѣ, и въ Россіи и въ другихъ странахъ должны сему противодѣйствовать и стараться возстановлять въ общественномъ мнѣніи греческую іерархію, указывая на несомнѣнныя ея заслуги и достоинства. 2) По церковнымъ дѣламъ Востока не предпринимать ничего мимо греческой іерархіи, чтобы своимъ самостоятельнымъ и независимымъ дѣйствіемъ не подавать повода къ мысли, будто мы не признаемъ власти святѣйшихъ патріарховъ и хотимъ создать свое самостоятельное владычество на Востокѣ. Напротивъ, своими дѣйствіями мы должны доказывать, что вполнѣ признаемъ и уважаемъ права греческой іерархіи, и свое съ нею чистосердечное братство исповѣдывать предъ всѣмъ свѣтомъ и еще тѣснѣе утверждать сей союзъ возобновленіемъ частыхъ и дружескихъ съ нею сношеній. 3) Всѣми силами противодѣйство-

вать тѣмъ мѣрамъ, которыя ведутъ къ ослабленію греческой церкви (каково назначеніе жалованья греческому духовенству), ни въ какомъ случаѣ не призывать вмѣшательства турецкихъ властей во взаимныя отношенія между православными племенами и пастырями ихъ, посредствомъ котораго турки все болѣе и болѣе порабощаютъ духовенство, уничтожая независимость, дарованную церкви Амуратомъ при завоеваніи Константинополя. Ни въ какомъ случаѣ не желать и не допускать независимыхъ и отдѣльныхъ отъ патріаршаго престола церквей въ европейской Турціи. Это повело бы сначала къ разъединенію, а отсюда легко и къ догматическому разрыву между православными церквами. 4) Когда такимъ образомъ мы будемъ и предъ друзьями и предъ врагами церкви необинуясь являть, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ господствуетъ мысль о всецѣлой преданности отечества нашего пользамъ вселенской, а слѣдовательно и греческой церкви,—тогда намъ возможно будетъ дѣятельно помочь славянамъ и арабамъ, не оскорбляя тѣмъ и греческую іерархію. Помогать же имъ мы должны: содѣйствіемъ образованію ихъ духовенства и назначенію у нихъ не только священниковъ (что, впрочемъ, у болгаръ всегда было и есть), но и епископовъ изъ ихъ же племени, и заботою объ умноженіи церквей, о матеріальномъ ихъ устройствѣ, о распространеніи числа народныхъ школъ и о пріемѣ юношей ихъ въ наши духовныя и гражданскія заведенія, что по милости Государя Императора исполнено, и нужно только поддерживать сію высокую и многоплодную мысль Его Величества“ [1]).

Эти мысли получили монаршую санкцію, какъ это можно видѣть изъ аудіенціи, данной почившимъ въ Бозѣ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ архимандриту Петру (Троицкому) 8 іюня, 1858 года, при назначеніи его настоятелемъ русской посольской церкви въ

---

[1]) Записка эта—въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

Константинополѣ. Главныя мысли Его Величества, какѣ передаетъ ихъ архимандритъ Петръ, были слѣдующія:

А) „Ваше положеніе,—началъ Государь,—*весьма трудное и щекотливое.* Надобно 1) почтительно обходиться съ греками и покровительствовать славянъ; 2) обстоятельства восточной церкви тяжелы и сомнительны: обижаютъ турки, раздражены до крайности болгары, подкапывается пропаганда, возмущая однихъ противъ другихъ. Турки двумъ послѣднимъ событіямъ очень радуются. Намекъ былъ 3) и на другія трудности, коихъ смолчанная мысль—Россія не имѣетъ уже того вліянія, какое имѣла до непріятной для насъ катастрофы—войны восточной".

Б) „*Греки слишкомъ своеобразно понимаютъ дѣла церкви своей, и этимъ раздражаются христіане* (раз. православные) *негреческаго происхожденія*: 1) греки себя только считаютъ достойными должностей, почестей, а забываютъ другихъ; 2) стѣсняютъ образованіе лицъ негреческаго происхожденія; 3) много ищутъ своихъ пользъ и часто несправедливо и корыстолюбиво; 4) заняты своей національностью и оттого не понимаютъ своихъ общихъ истинныхъ пользъ и блага и спокойствія церкви. *Мнѣ нужно единство церкви* (эти слова три раза повторены въ продолженіе рѣчи). *Все это надобно, батюшка, вамъ внушать имъ и дѣйствовать съ осмотрительностію и благоразумiемъ.* Эта мысль раскрыта очень серьезно и съ большими для меня полномочіями",—писалъ архимандритъ Петръ.

В) „*Если греки не захотятъ понимать васъ во всемъ этомъ, то скажите имъ, что, какъ намъ извѣстно, пропаганда приготовила уже всѣ средства къ ослабленію и помраченію церкви греческой. Намъ непріятно будетъ видѣть торжество пропаганды. Надѣюсь, Богъ не допуститъ до этого*" [1]).

---

[1]) Въ бумагахъ архим. Петра; отпечатана въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за февраль, 1886 года.

Главныя мысли записки и Государя сходны между собою. Въ частнѣйшемъ своемъ развитіи и примѣненіи къ болгарскому вопросу, онѣ выразились въ инструкціи архимандриту Петру, который долженъ былъ представить константинопольскому патріарху и синоду его, что 1) „должно предоставить свободу народу болгарскому читать св. писаніе и слушать божественную службу на его родномъ языкѣ, 2) что священники должны быть изъ среды самого народа; 3) достойнѣйшіе изъ болгаръ должны быть возводимы и въ санъ святительскій, и что 4) денежные сборы съ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ должны быть по возможности облегчены и отнюдь не вымогаемы“ [1]).

V.

Представителями и агентами русскаго правительства въ Оттоманской имперіи были русское посольство или миссія въ Константинополѣ и консульства и вицеконсульства въ Адріанополѣ, Солуни, Виддинѣ, Филиппополѣ и другихъ мѣстахъ. Они сообщали русскому правительству о современномъ положеніи дѣлъ въ Турціи, особенно же о состояніи мѣстной православной церкви, и, согласно даннымъ имъ инструкціямъ и особымъ распоряженіямъ и предписаніямъ, старались дать этимъ дѣламъ такое или иное направленіе.

Прежде всего, русскіе консулы съ радостію замѣчали повсемѣстное сочувствіе къ Россіи, не смотря на неудачный исходъ севастопольской войны, не только православнаго, единовѣрнаго намъ населенія Турціи, но и самихъ турокъ. Такъ напр., адріанопольскій консулъ Ступинъ доносилъ директору азіатскаго департамента нашего министерства иностранныхъ дѣлъ Е. П. Ковалевскому, что турки очень выгодно для насъ смотрятъ на севастопольскую войну,

---

[1]) Письмо архим. Петра къ Обер-Прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, писавнос 8 ноября 1858 года, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1 на обор.

полагая, что русскіе предприняли ее для того, чтобы освободить султана отъ притѣснительной дружбы англичанъ. Греки и болгары убѣдились, что нашъ Государь заботится объ ихъ только благѣ и вовсе не думаетъ о прибавкѣ своихъ земель. Турція находится въ состояніи разслабленія; султанъ безсиленъ, а его министры и начальства неблагонадежны [1]). Виддинскій консулъ Соколовъ, донося о поднятіи русскаго флага въ Виддинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ и о тѣхъ надеждахъ, какія возлагали мѣстные болгары на единовѣрную имъ Россію. Дружественные совѣты русскихъ консуловъ принимались болгарами отъ всей души [2]). Даже изъ Трапезунда, гдѣ не было славянскаго населенія, шли отъ тамошняго консула хорошія вѣсти о томъ, что народъ не боится уже прибѣгать къ намъ на судъ и расправу [3])

Но, присматриваясь къ внутреннимъ, взаимнымъ отношеніямъ православнаго населенія Турціи, представители и агенты русскаго правительства вездѣ видѣли глубокую вражду и упорную, ожесточенную борьбу между греками и болгарами, возбуждаемую еще болѣе неосуществившимися обѣщаніями гатти-гумаюна 6 февраля 1856 года. Спорными пунктами были совершеніе богослуженія на славянскомъ языкѣ, учрежденіе болгарскихъ школъ и образованіе болгарской іерархіи.

Что касается предоставленія болгарамъ свободы читать св. писаніе и слушать божественную службу на ихъ родномъ языкѣ, то относительно этого пункта архимандритъ Петръ писалъ 8 ноября 1858 года г. Оберъ-Прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, что будто бы „вся Болгарія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ епархій въ Македоніи, читаетъ и слушаетъ слово Божіе, и не украдкой, на церковнославянскомъ, родственномъ ей языкѣ, такъ что выписы-

[1]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, стр. 9, № 8.

[2]) Тамъ же, стр. 14, № 44.

[3]) Тамъ же, стр. 15, № 5.

ваемыхъ болгарами изъ Россіи и другихъ мѣстъ, равно какъ и жертвуемыхъ имъ русскими церковныхъ книгъ крайне недостаточно для потребностей цѣлой страны... Почему въ епархіяхъ македонскихъ не отправляется богослуженіе на славянскомъ языкѣ, на это я ни отъ кого не могъ узнать положительныхъ доказательствъ. Нѣкоторые болгары говорятъ, что это запрещается высшимъ греческимъ духовенствомъ; но члены Св. Синода увѣряли меня, что никогда подобнаго запрещенія ни отъ кого не было. По моему соображенію, это зависитъ отъ того, что въ такомъ удаленномъ углу Болгаріи трудно достать славянскихъ книгъ, и едва ли онѣ когда-нибудь туда русскими были посылаемы". Но въ томъ же самомъ представленіи архимандритъ Петръ писалъ, что „въ нѣкоторыхъ городахъ греки, по тщеславнымъ побужденіямъ клира и народа, не дозволяютъ болгарамъ отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Болгарамъ горожанамъ, хотя они всѣ знаютъ греческій языкъ болѣе или менѣе, это больно: они вопіютъ, и ихъ только слушаютъ" [1]). Въ другомъ донесеніи своемъ тому же Оберъ-Прокурору Св. Синода архимандритъ Петръ передавалъ секретное сообщеніе ему архимандрита Аѳанаѳима, впослѣдствіи экзарха Болгаріи, „что если иногда греческіе владыки и не позволяютъ болгарамъ отправлять богослуженіе по-славянски, то это—въ городахъ, гдѣ больше или, по крайней мѣрѣ, не меньше въ приходѣ и грековъ. Притомъ, такого рода непріятности бываютъ большею частію не со стороны владыкъ, но со стороны народа, гдѣ, слѣдовательно, владыки являются страдательными орудіями воли народной. Если же они идутъ противъ воли народа, то получаютъ злыя и строгія обличенія за пристрастіе къ меньшей и слабѣйшей части пасомыхъ и за отчужденіе отъ собственной національности. Подобныя обличенія пастырей я читалъ въ газетахъ греческихъ; они обыкновенно

[1]) Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1 и 2.

желчны“ [1]). Во всякомъ случаѣ, и самъ архимандритъ Петръ, почти во всѣхъ случаяхъ своей служебной дѣятельности склонявшійся на сторону греческой іерархіи, не отрицаетъ того, что славянское богослуженіе дѣйствительно стѣсняемо было греками въ главныхъ центрахъ народной жизни, т. е. въ городахъ.

Ярче всего обнаружилась борьба между греками и болгарами изъ-за употребленія славянскаго языка при богослуженіи въ Адріанополѣ, гдѣ имѣлъ резиденцію одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и горячихъ защитниковъ болгарской народности, русскій адріанопольскій консулъ г. Ступинъ. Раньше его, приблизительно до начала 1857 года, былъ здѣсь русскимъ консуломъ грекъ Пизани [2]), который вызвалъ своими дѣйствіями нѣсколько жалобъ со стороны болгаръ [3]). Новому консулу дана была посланникомъ Бутеневымъ инструкція, въ которой предписывалось ему, кромѣ наблюденія за употребленіемъ всего, присылаемаго изъ Россіи для Болгаріи, стараться смягчать стремленія грековъ и болгаръ къ борьбѣ и склонять къ взаимному сближенію, воздерживаясь отъ всякихъ пристрастныхъ мѣръ и внушеній, которыя могли бы возбудить въ той или другой сторонѣ излишнія притязанія или неосновательныя опасенія [4]). Но обстоятельства заставили Ступина выйти изъ границъ этой инструкціи. Въ 1857 году іерусалимскій патріархъ разрѣшилъ подвѣдомственной ему церкви іерусалимскаго подворья въ Адріанополѣ смѣшанное богослуженіе на греческомъ и славянскомъ языкахъ [5]), но, кажется, на одинъ

---

[1]) Донесеніе, писанное въ іюнѣ, 1859 г., тамъ же, л. 10.

[2]) Письмо З. Княжескаго къ архим. Петру 27 ноября 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, л. 4 на об.

[3]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 12 № 38; стр. 13, № 6, и стр. 6, № 4.

[4]) Тамъ же, стр. 8, № 5.

[5]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи 1858 г., въ бумагахъ архим. Петра, стр. 10, № 17; Сн. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г.

только разъ, въ праздникъ овцеводовъ[1]). Съ своей стороны, адріанопольскій митрополитъ Кириллъ, хотя и грекъ родомъ, по стараніямъ русскаго консула, словесно разрѣшилъ мѣстнымъ болгарамъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ въ ихъ собственной церкви[2]). Дѣйствія митрополита Кирилла, по отзыву консула, заслуживали поощренія и награды[3]). Въ мартѣ 1857 года г. Ступинъ доносилъ Е. П. Ковалевскому, что народъ болгарскій очень полюбилъ служеніе на славянскомъ языкѣ и что все обстоитъ благополучно[4]). На другомъ подобномъ донесеніи Ступина о большемъ и большемъ распространеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ Государь Императоръ собственноручно начерталъ слѣдующія слова: „Очень радъ этому“[5]). Но вскорѣ мѣстные греки рѣшились искоренить это вредное, по ихъ мнѣнію, нововведеніе. Съ этою цѣлію они стали собираться въ церковь съ криками, угрозами и неприличными тѣлодвиженіями старались помѣшать произнесенію молитвъ на ненавистномъ имъ славянскомъ языкѣ. Дѣло дошло даже до драки. Обѣ стороны обратились съ жалобами къ патріарху, при чемъ греки просили, чтобы славянское богослуженіе было вовсе запрещено, а болгары—чтобъ оно было разрѣшено по возможности въ большемъ числѣ церквей[6]). Вслѣдствіе этого патріархъ сдѣлалъ выговоръ адріанопольскому митрополиту за нововведеніе славянскаго языка въ богослуженіи[7]), а прошеніе болгаръ возвратилъ имъ съ грознымъ внушеніемъ, что греческая церковь, а слѣдовательно и греческій языкъ суть „господствующіе“, что славословитъ Бога по-болгарски

---

[1]) См. туже опись, стр. 9, № 13.

[2]) Тамъ же стр. 10, № 17. Сн. „Русскій Вѣстникъ“, 1881 г. январь, стр. 331.

[3]) Тамъ же, стр. 12, № 37.

[4]) Тамъ же, стр. 10, № 19.

[5]) Тамъ же, стр. 11, № 28.

[6]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ В. А. Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май 1882 г., стр. 411.

[7]) Опись дѣлъ Константинопол. миссіи, 1858 г., стр. 9, № 8, въ бумагахъ архим. Петра.

есть грѣхъ, что никто не смѣетъ переходить предѣла, положеннаго св. отцами, и что все вышесказанное есть рѣшеніе синода, разсматривавшаго просьбу [1]). По этому случаю адріанопольскій митрополитъ очень жаловался на упорство патріарха по отношенію къ болгарамъ, но причину этого упорства усматривалъ въ интригахъ запада [2]). Вѣроятно, послѣ этого отказа патріарха, нѣкоторые изъ адріанопольскихъ болгаръ изготовили просьбу объ устройствѣ особой славянской іерархіи; но Ступинъ успѣлъ воспрепятствовать подписанію и подачѣ этой просьбы [3]) и вмѣстѣ съ тѣмъ старался объяснить ее интригами нѣкоторыхъ только болгаръ. Греки и болгары,—писалъ онъ въ одномъ донесеніи своемъ,—живутъ хорошо и сроднены вѣками, а жалуются тѣ и другіе на высшее духовенство, которое Ступинъ обрисовывалъ такъ: „нѣтъ преступленія, предъ исполненіемъ коего задумались бы они для своихъ черныхъ цѣлей; они распространяютъ вокругъ себя холодъ и тьму; отъ нихъ вѣетъ развратомъ и предательствомъ“ [4]). Въ другомъ донесеніи своемъ онъ доказывалъ, что болгары домогаются не раздѣленія церкви, а того, чтобы давали имъ епископовъ, хорошо знающихъ болгарскій языкъ, и чтобы литургіи и требы совершались на болгарскомъ языкѣ. По поводу этого донесенія, Государь Императоръ приказывалъ посланнику Бутеневу заняться тамошними дѣлами [5]). Можетъ быть, вслѣдствіе этого передано было Бутеневу другое донесеніе Ступина Ковалевскому, въ которомъ онъ ходатайствовалъ за болгаръ въ справедливомъ ихъ требованіи у султана о на-

---

[1]) „Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ“, Муромцовой, въ „Русск. Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 331.

[2]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 9, № 12, въ бумагахъ архим. Петра. Считаемъ нужнымъ оговориться, что, вслѣдствіе отсутствія хронологическихъ датъ въ описи, трудно возстановить хронологическій порядокъ событій.

[3]) Тамъ же, стр. 9, № 10. Сн. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 409.

[4]) См. ту же опись, стр. 12, № 42.

[5]) Тамъ же, стр. 9, № 8.

значеніи изъ родной среды пастырей, о свободѣ слышать слово Божіе и службу на природномъ языкѣ и объ утвержденіи за ними права на народное образованіе, при чемъ бросалъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія и на самаго Бутенева въ препятствіи ему Ступину [1]). Бутеневъ на это письмо отвѣчалъ Ив. Матв. Толстому, съ приложеніемъ копіи инструкціи Ступину, что просьба болгаръ есть дѣло нѣкоторыхъ людей неавторитетныхъ, заподозриваетъ Александра Екзархова и особенно Ковачевича, который будто бы думалъ быть представителемъ всѣхъ болгарскихъ епископовъ, и увѣрялъ, что болгары просятъ только епископовъ и священниковъ въ тѣ приходы, въ коихъ нѣтъ таковыхъ; а чтобы слушать въ церкви слово Божіе на родномъ языкѣ, для этого нужно озаботиться объ исходатайствованіи имъ права на народное образованіе [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Бутеневъ дѣлалъ нѣсколько представленій патріарху константинопольскому о постепенномъ введеніи славянскаго языка въ богослуженіе [3]). Но результатъ этихъ представленій для насъ неизвѣстенъ. Знаемъ только, что въ 1858 году снова возгорѣлась въ Адріанополѣ борьба между греками и болгарами изъ-за церковнаго употребленія славянскаго языка, къ чему подали поводъ сами греки. По поводу донесеній о семъ Ступина Государь Императоръ въ двухъ мѣстахъ сдѣлалъ собственноручныя замѣтки, въ которыхъ крайне жалѣетъ о такой неурядицѣ и весьма желаетъ, чтобы Бутеневъ урезонилъ патріарха сдѣлать болгарамъ законныя уступки, предсказывая, въ противномъ случаѣ, самыя жалкія послѣдствія [4]). И вѣроятно, усиліямъ русской дипломатіи нужно приписать то обстоятельство, что патріархъ разрѣшилъ адріанопольскимъ болгарамъ употреблять при богослуженіи славянскій языкъ, отъ чего болгары пришли въ неописанный

[1]) Тамъ же, стр. 8, № 4.
[2]) Тамъ же, стр. 8, № 5.
[3]) Тамъ же, стр. 8, № 6; стр. 9, № 12, и др.
[4]) Тамъ же, стр. 12, № 39.

восторгъ [1]). Въ томъ же 1858 году исходатайствовано было и слѣдующее общее распоряженіе Порты относительно даннаго предмета: „если въ приходѣ церкви 40 домовъ, и изъ нихъ 25 болгарскихъ, а 15 греческихъ, то отправлять богослуженіе по-славянски; если же наоборотъ, то по-гречески. Такую же пропорцію приказано наблюдать и въ большихъ количествахъ семействъ, принадлежащихъ къ приходу церкви. Правда,—писалъ архимандритъ Петръ,—что этотъ приказъ отданъ словесно, но онъ объявленъ со всею силою всѣмъ, кому вѣдать о томъ надлежитъ“ [2]). Но словесный приказъ, ненамѣренно или намѣренно, легко могъ забыться и дѣйствительно забывался греческими іерархами. Въ 1859 году болгары поліанской епархіи жаловались на своего владыку Мелетія, что онъ преслѣдуетъ родной языкъ ихъ и притѣсняетъ ихъ самихъ [3]).

Вмѣстѣ съ ходатайствомъ о введеніи славянскаго языка въ богослуженіе, представители и агенты русскаго правительства въ Турціи заботились также о приготовленіи и распространеніи между православными турецкими славянами церковно-богослужебныхъ книгъ русской печати, но съ выпускомъ изъ нихъ россійской царской фамиліи и намековъ на агарянское царство [4]).

Другимъ спорнымъ пунктомъ между греками и болгарами было заведеніе болгарскихъ народныхъ школъ и училищъ. Мы видѣли выше, что съ 1835 до 1858 года во всей Болгаріи возникло до 80 народныхъ школъ, но что эти школы большею частію были плохо организованы и соотвѣтствовали только низшимъ школамъ грамотности. Особенно чувствителенъ былъ недостатокъ средняго учеб-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11, № 35. См. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 110.

[2]) Представленіе архим. Петра, въ черновыхъ его бумагахъ, отъ 8 ноября, 1858 г., оберъ-прокурору Св. Синода. л. 1 на обор.

[3]) Въ бумагахъ архим. Петра.

[4]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 9, № 15; стр. 10, №№ 18 и 20; стр. 11, №№ 30 и 32.

наго заведенія для приготовленія кандидатовъ во священство и недостатокъ лицъ съ высшимъ образованіемъ. Все это хорошо понимали и лучшіе представители болгарскаго народа, и русскіе дѣятели, имѣвшіе такое или иное отношеніе къ Болгаріи. Такъ напр., извѣстный болгарскій ученый Палаузовъ предлагалъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, чтобы оно открыло всѣ пути и предоставило способы къ образованію болгарскаго духовенства, обѣщая, что болгары, принимая на себя половину расходовъ, могутъ доставить учениковъ изъ монастырей рыльскаго, изъ четырехъ монастырей тырновской епархіи, 14 монастырей софійской епархіи и изъ одного филиппопольской епархіи. Въ этомъ дѣлѣ должны принимать участіе и консулы и особенно Одесское Попечительное Общество [1]). Это предложеніе совпало съ видами русскаго правительства, которое съ своей стороны заботилось какъ о пріемѣ болгарскихъ юношей въ наши духовныя и гражданскія заведенія, такъ и о распространеніи числа болгарскихъ народныхъ школъ. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что такова была воля Государя Императора. Кромѣ того, изъ инструкціи адріанопольскому консулу Ступину видно, что онъ обязанъ былъ справляться о мѣстахъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ для болгаръ, выбирать и посылать туда лучшихъ воспитанниковъ и выдавать бѣднѣйшимъ изъ нихъ пособія на проѣздъ. Независимо отъ того, Ступину выдавалось изъ русской Константинопольской миссіи по 500 піастровъ въ мѣсяцъ, для раздачи бѣднымъ болгаринамъ, чтобы они учились [2]).

Но „образуемое въ Россіи число воспитанниковъ болгарскихъ,—писалъ архимандритъ Петръ,—слишкомъ ограниченно, и притомъ они, по безразсуднымъ и подозрительнымъ понятіямъ старѣйшинъ народныхъ, не могутъ пользо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 14, № 43.
[2]) Тамъ же, стр. 8, № 5.

ваться плодами своего образованія". Съ другой стороны, папскій префектъ въ Константинополѣ лазаристъ Боре открылъ въ Бебекѣ, предмѣстьи Константинополя, католическое училище для болгаръ, которое, по словамъ архимандрита Петра, „манитъ къ себѣ болгаръ и по своимъ льщеніямъ, и по полнотѣ свѣтскаго образованія, и по безмездному, для многихъ, содержанію въ немъ" [1]). Поэтому, настояла необходимость образовать въ самой Болгаріи центры народнаго просвѣщенія, которые бы могли качественно возвышать это просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить противоядіемъ католической пропагандѣ. Одинъ изъ этихъ центровъ самою природою вещей указывался въ Константинополѣ, какъ столицѣ имперіи и средоточіи болгарской интеллигенціи и плутократіи. „Что творятъ и глаголютъ константинопольскіе болгары"? писалъ высокопреосвященный херсонскій Димитрій къ архимандриту Петру 7 марта, 1859 года. „Здѣсь, по возможности, я удерживаю рьяность злѣйшихъ анти-еллиновъ. Хорошо было бы, если бъ болгаре составили въ Константинополѣ общество, которое, оставивъ споры съ греками въ сторонѣ, предположило бы себѣ главною и единственною цѣлію религіозно-умственное и нравственное воспитаніе болгарскаго народа. Это лучше и прямѣе привело бы ихъ къ желаемой ими независимости, которая и незаконна, и неполезна, и по крайней мѣрѣ слишкомъ преждевременна, а къ нравственной самостоятельности народа, которая возможна и подъ управленіямъ патріарха" [2]). Въ самомъ началѣ 1858 г. представители болгарскаго народа въ Константинополѣ, дѣйствительно, высказывали преосвященному Кириллу мелитопольскому желаніе имѣть семинаріи для духовенства, но почти не имѣли подготов-

---

[1]) Представленіе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ іюнѣ, 1859 г. въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 12 на обор.

[2]) Письмо это—въ бумагахъ архим. Петра.

ленныхъ начальниковъ и наставниковъ для подобныхъ заведеній [1]). На Константинополь указывалъ и посланникъ Бутеневъ, какъ на предполагаемый центръ народнаго болгарскаго образованія, и проэктировалъ, въ противодѣйствіе пропагандѣ, завести въ Фанарѣ болгарское училище, сначала на 5—10 мальчиковъ и съ элементарнымъ курсомъ образованія; но впослѣдствіи оно будетъ разростаться и развиваться. Цѣль училища—пріохотить молодыхъ болгаръ къ Россіи и привлечь довѣріе старѣйшинъ болгаръ. Г. Бутеневъ указывалъ и средства на содержаніе этого училища, которыя частію имѣлись у посланника, частію обѣщаны были княземъ Вогоридесомъ, и имѣлъ для него въ виду учителя Изворскаго. Но министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ отклонилъ этотъ проэктъ Бутенева, подъ тѣмъ предлогомъ, что Изворскій—человѣкъ ограниченный, и что училище это можетъ оказаться подъ чужимъ вліяніемъ—константинопольскимъ [2]). Тогда князь С. Вогоридесъ самъ устроилъ училище при болгарской константинопольской церкви, и первымъ ректоромъ его былъ воспитанникъ Московской духовной Академіи архимандритъ Парѳеній; но онъ разстроилъ это училище и озлобилъ болгаръ, такъ что они сами убѣдительнѣйше просили архимандрита Петра избавить ихъ училище отъ такого педагога [3]). Тѣмъ не менѣе мысль объ учрежденіи центровъ болгарскаго народнаго просвѣщенія не была еще оставлена и разработывалась какъ посланникомъ Бутеневымъ, такъ и архимандритомъ Петромъ. Въ концѣ 1857 года Бутеневъ вручилъ константинопольскому патріарху записку, въ которой, указывая средства къ возстановленію мира между греческимъ

---

[1]) Записка преосвящ. Кирилла, писанная въ мартѣ 1858 г.,—въ бумагахъ м. Григорія, № 79.

[2]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 10, № 21.

[3]) Тамъ же, стр. 13, № 3; сн. донесенія архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому 8 ноября 1858 г., и послѣ 12 сентября, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 2 на об. и 23—24.

духовенствомъ и болгарскою паствою, рекомендовалъ ему учрежденіе въ самой Болгаріи одного или двухъ высшихъ болгарскихъ училищъ, съ субсидіей русскаго правительства[1]). Но патріархъ отвѣтилъ, что у него не достаетъ средствъ къ приведенію народныхъ училищъ въ цвѣтущее состояніе[2]). Наконецъ архимандритъ Петръ въ іюнѣ 1859 года проэктировалъ преобразовать болгарское константинопольское училище или учредить новое такимъ образомъ, чтобы въ немъ, подъ надзоромъ нашего посольства, преподавался полный курсъ наукъ. „По неурядицѣ представителей народныхъ,—писалъ онъ,—по непониманію ими важности слѣдствій, отсюда проистекающихъ, и по недостаточному довѣрію народа къ своимъ представителямъ свѣтскимъ (которые за все берутся, но очень мало дѣлаютъ и не чужды видовъ корыстныхъ), такое заведеніе своевременно и прочно организоваться не можетъ. О если бы Господь положилъ на сердце и открылъ средства нашему правительству устроить и хотя нѣсколько лѣтъ поддержать столь благое и общеполезное заведеніе“[3])! Проэктъ этотъ тоже остался безъ исполненія.

Трудно сказать, кто виноватъ въ томъ, что не осуществились всѣ эти проэкты относительно учрежденія среднихъ учебныхъ заведеній въ Болгаріи; но во всякомъ случаѣ не безъ вины тутъ и греческое населеніе и въ частности высшее греческое духовенство, не сочувствовавшее учрежденію и развитію болгарскихъ народныхъ школъ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греки дѣйствительно не дозволяли болгарамъ строить училища: въ Филиппополѣ—архіерей и чорбаджи или старѣйшины; въ Кукушѣ, уѣздномъ городѣ солунской митрополіи,—архіе-

---

[1]) Опись дѣлъ Константинопол. миссіи, 1858 г., стр. 9, № 12.

[2]) Тамъ же, стр. 15, № 6.

[3]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, въ іюнѣ, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 12 на об. и 13.

рей; въ Адріанополѣ—греческій консулъ [1]). Впослѣдствіи мы увидимъ даже указаніе на то, что самъ патріархъ константинопольскій въ самомъ концѣ 1857 или въ началѣ 1858 года издалъ будто бы какой-то циркуляръ о закрытіи въ Болгаріи народныхъ училищъ [2]).

Стѣсненія болгаръ въ богослужебномъ употребленіи славянскаго языка и народномъ образованіи, дѣлаемыя греками и высшимъ греческимъ духовенствомъ, естественно раздражали болгаръ противъ греческой іерархіи, которая при томъ же далеко не отличалась подобающимъ ей духовнымъ просвѣщеніемъ и нравственными качествами и давала болгарамъ новые поводы къ неудовольствію на себя. Поэтому, рядомъ съ вопросами объ употребленіи славянскаго языка въ богослуженіи и народныхъ болгарскихъ училищахъ само собою возникалъ вопросъ іерархическій, т. е. вопросъ объ освобожденіи болгаръ отъ греческихъ іерарховъ и образованіи своей болгарской іерархіи.

Недовольство болгаръ своими греческими епископами обнаружилось почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, населенныхъ болгарами, какъ-то: въ Адріанополѣ, Филиппополѣ, Солуни, Тырновѣ, Виддинѣ, Силистріи, Шумлѣ, Самоковѣ, Кюстендилѣ и др. [3]). Укажемъ нѣкоторые извѣстные намъ случаи столкновенія и вражды болгаръ со своими греческими іерархами. Виддинскій консулъ Соколовъ, донося посланнику Бутеневу о жалкомъ положеніи церквей и грамотности народа, все это приписывалъ мѣстному митрополиту, человѣку совершенно необразованному, на сторонѣ котораго, однакоже, стояли народные старѣйшины, и сообщалъ, что здѣшніе жители жалуются на высшее греческое духовенство, ни въ чемъ не сочувствующее народу [4]). Филиппо-

---

[1]) Черновыя бумаги архим. Петра. л. 33 на об.

[2]) Тамъ же, и л. 1.

[3]) Тамъ же.

[4]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 14, № 44, въ бумагахъ архим. Петра.

польскіе болгары проэктировали—было преобразованіе засѣдавшаго въ архіерейскомъ домѣ совѣта, который, завѣдывая церковными и училищными дѣлами г. Филиппополя, рѣшалъ иногда дѣла междусемейныя и заботился о правильной раскладкѣ податей, на что сначала соглашался и филиппопольскій митрополитъ Хрисанѳъ. Но затѣмъ онъ взялъ назадъ свое согласіе и даже обвинилъ филиппопольскихъ болгаръ, и особенно Герова, въ духѣ непокорства и сопротивленія турецкимъ властямъ и узаконенному порядку [1]), поводомъ къ чему, вѣроятно, послужило какое-то возстаніе и появленіе шайки въ 100 человѣкъ [2]). Подъ впечатлѣніемъ этихъ непріятностей, Геровъ, прежде льстившій Россіи и заискивавшій у нея, теперь нѣсколько разъ обращается въ разныя инстанціи и въ русское министерство иностранныхъ дѣлъ съ рѣзкими, желчными жалобами, въ которыхъ объясняетъ возстаніе страшными притѣсненіями болгаръ со стороны турокъ, клеймитъ филиппопольскаго митрополита, жалуется на слабость дѣйствій русской константинопольской миссіи и грозитъ ей дурными послѣдствіями для нея со стороны болгаръ [3]). Въ заключеніе, филиппопольскіе болгары опровергли обвиненіе митрополита Хрисанѳа и добились того, что въ началѣ 1858 года онъ перемѣщенъ былъ на смирнскую каѳедру [4]).—Въ Тырновѣ митрополитъ Неофитъ почему-то счелъ нужнымъ вмѣшаться въ споры мѣстныхъ жителей изъ-за откупа налога на барановъ, принявъ одну сторону противъ другой, и, если вѣрить Герову, употребилъ слѣдующій маневръ противъ своихъ противниковъ. „Въ августѣ 1856 году Костаки Мегавули, повѣренный тырновскаго архіерея, какъ гово-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10, № 17, и друг. Сн. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 495—497.

[2]) См. ту же опись, стр. 12, № 42.

[3]) Тамъ же, стр. 10, №№ 25 и 26, и стр. 12, № 42.

[4]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за февраль, 1886 г., стр. 497—502.

рятъ, побудилъ дедя Николу изъ одного силистрійскаго селенія Сребрика сдѣлать возстаніе, чтобы послѣ выставить болгаръ возмутителями. Онъ собралъ нѣсколько человѣкъ, которые удалились въ горы и объявили, что не намѣрены проливать крови, но требуютъ исполненія обѣщаній гатти-гумаюна. Мѣстное начальство габровское пригласило ихъ переговорить съ ними. Они подошли къ городскому мосту, но въ городъ не вошли изъ опасенія измѣны. По нимъ начали стрѣлять сердари, убили ихъ предводителя и нѣсколькихъ человѣкъ,—и шайка разсѣялась". Тотъ же митрополитъ Неофитъ, по словамъ Герова, при содѣйствіи губернатора, „дѣлаетъ все, чтобы одержать верхъ надъ христіанами: сажаетъ въ тюрьму знатнѣйшихъ изъ гражданъ, чтобы тѣмъ напугать толпу и заставить ее дѣйствовать въ его пользу; заставляетъ въ мехкеме, послѣ присяги надъ крестомъ и евангеліемъ, подписываться на бумагѣ, не зная ея содержанія; раздаетъ въ городѣ деньги, чтобы купить подписи въ свою пользу" [1]). Наконецъ, тырновскіе болгары добились того, что въ началѣ марта 1857 года митрополитъ Неофитъ переведенъ былъ константинопольскимъ Синодомъ съ тырновской митрополіи на солунскую [2]). Здѣсь, на новой митрополіи, Неофитъ произвелъ новыя смуты, назначивъ кукушанамъ въ епископы на подчиненную ему поліанскую епархію своего діакона Мелетія и отклонивъ кандидатуру на это епископство болгарина Парѳенія [3]). Объ этомъ-то Мелетіи мы имѣемъ отзывъ въ одной запискѣ безъ указанія времени, относящейся, по всей вѣроятности, къ первой

[1]) Тамъ же, письмо Н. Герова къ А. П. Ковалевскому 7 марта 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра.

[2]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 9, № 16. Сн. „Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ" Муромцовой въ „Русскомъ Вѣстникѣ", январь, 1881 г., стр. 332, и „Греко-болгарская распря" Ѳ. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 497—502.

[3]) „Первый болгарскій экзархъ блаженный Антимъ" Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", январь 1881 г., стр. 334—338. Сн. черновыя бумаги архим. Петра, л. 23, 24, 29 и 30.

половинѣ 1859 года, изъ которой видно, что Мелетій по умственному и нравственному состоянію своему не могъ ни назидать, ни утѣшать. „Я, говорилъ онъ самъ,—курю наргалье, иногда читаю, занимаюсь хозяйствомъ, т. е. смотрю за кухней, конюшней и т. п., разъ въ недѣлю, иногда и рѣже, выслушиваю просителей“ и т. д. Но тѣмъ не менѣе онъ ревниво охранялъ и поддерживалъ притязанія эллинизма. Результатами такого епархіальнаго управленія были: а) „страданія и жалобы народа. Болгары со слезами на глазахъ говорятъ: чѣмъ мы заслужили архіереевъ, которые преслѣдуютъ родной языкъ нашъ и притѣсняютъ насъ самихъ? б) вражда между греками и болгарами и злоба послѣднихъ противъ первыхъ, которая на высшей степени обнаруживается изгнаніемъ болгарами архіереевъ изъ городовъ, какъ это сдѣлали кукушскіе болгары 8 лѣтъ тому назадъ[1]), и тѣмъ, что имя грека сдѣлалось между болгарами ругательнымъ... Многіе изъ македонскихъ болгаръ хотятъ просить покровительства у Англіи и перейти въ протестантскую вѣру, и это, говорятъ другіе, сбудется, если голосъ скорби не откликнется въ Россіи. Отъ русскаго консула (въ Солуни) мы ничего добраго не видѣли и не видимъ, а англійскій нѣсколько разъ выручалъ насъ изъ бѣды. Въ Солуни и Кассандрѣ и доселѣ дѣйствуетъ католическая пропаганда. Нѣкоторыя деревни болгарскія и греческія потурчены“ [2]).

Прогоняя греческихъ епископовъ изъ болгарскихъ епархій, или добиваясь ихъ перемѣщенія на другія епархіи,

[1]) Доселѣ въ нашей литературѣ извѣстенъ только одинъ случай изгнанія кукушанами епископа и принятія уніи, имѣвшій мѣсто во второй половинѣ 1859 года. Но архим. Петръ въ донесеніи оберъ-прокурору Св. Синода послѣ 12 сентября 1859 г. пишетъ, „что они это дѣлаютъ уже въ другой разъ: о первомъ не могъ узнать достовѣрно, въ какомъ десятилѣтіи настоящаго вѣка, только говорятъ, какъ о недавнемъ“. См. черновыя бумаги архим. Петра, л. 23. Вѣроятно, въ приводимой въ текстѣ запискѣ и упоминается первый случай, который, поэтому нужно относить приблизительно къ 1850 году.

[2]) Въ бумагахъ архим. Петра.

болгары обыкновенно хлопотали о назначеніи имъ епископовъ изъ своихъ соплеменниковъ; но ихъ хлопоты никогда почти не увѣнчивались успѣхами. По объясненію архимандрита Петра, греческая церковь не давала болгарамъ своихъ епископовъ по слѣдующимъ причинамъ: „а) болгары, въ непріятность греческому высшему клиру, слишкомъ замѣтно отособляютъ себя и расходятся въ стремленіи къ цѣлямъ, которыми бы благопоспѣшествовался общій интересъ единой церкви; б) не знакомятся съ неизбѣжными административными пріемами страны и, по своему горячему характеру и неискусному обращенію, возбуждаютъ сильныя подозрѣнія какъ со стороны турокъ, такъ и грековъ; в) церковь греческая боится (хотя это чувство нынѣ, сколько мнѣ извѣстно, слабѣетъ), по историческимъ воспоминаніямъ, давать Болгаріи единоплеменныхъ пастырей, потому что въ народѣ замѣчаетъ тяготѣніе къ Западу; г) церковь греческая боится слишкомъ явно раздражать національное чувство своихъ, кои привыкли почитать занятіе іерархическихъ степеней какъ бы вѣковымъ своимъ правомъ, и д) не видитъ столько и такъ образованныхъ и достойныхъ лицъ, чтобъ могла придти, по неизбѣжной встрѣчѣ съ ними при опредѣленіи на высшія мѣста іерархіи, въ чувство упрека самой себѣ за неправильное ихъ устраненіе“ [1]).

Видя безуспѣшность единичныхъ усилій отдѣльныхъ городовъ и общинъ болгарскихъ получить себѣ единоплеменныхъ архіереевъ, болгары наконецъ рѣшились общими силами требовать себѣ своей болгарской іерархіи и со своими требованіями обращались уже не къ патріарху, а къ султану, обѣщавшему въ гатти-гумаюнѣ 6 февраля, 1856 года, доставить счастіе всѣмъ безъ различія подданнымъ своимъ,— и центромъ дѣятельности болгарскихъ патріотовъ, домогавшихся самостоятельной болгарской іерархіи, становится

---

[1]) Представленіе архим. Петра с.-петербургскому митрополиту Григорію, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 16.

Константинополь. Здѣсь образовалась богатая болгарская община, состоящая изъ 60,000 человѣкъ, которая съ 1849 года имѣла свою болгарскую церковь и въ 1857 году основала первое болгарское литературное общество, подъ названіемъ *Българска Книжнина*, издававшее съ 1858 года *Български Книжици* и ставшее во главѣ всѣхъ болгарскихъ общинъ [1]). Къ ней присоединились и представители провинціальныхъ болгарскихъ общинъ, прибывшіе въ Константинополь для того, чтобы воспользоваться обѣщаніями гатти-гумаюна одинаковыхъ правъ для всѣхъ подданныхъ султана и, при обѣщанномъ преобразованіи государства, не остаться въ прежнемъ невыгодномъ подчиненномъ отношеніи къ греческому духовенству. По сообщенію Н. Герова отъ 7 марта 1857 г., къ этому времени пріѣхали въ Константинополь или назначены изъ проживающихъ въ Константинополѣ купцовъ представители Тырнова, Систова, Казанлыка, Ески-Загры, Рущука, Шумлы, Сливна, Филиппополя. Во главѣ ихъ стояли Топчилещевы и Гешевъ, представители Филиппопольскихъ болгаръ [2]). По другимъ свѣдѣніямъ, всѣхъ депутатовъ собралось въ Константинополь до 40 человѣкъ [3]). Отъ нихъ подано султану отъ 30 до 60 бумагъ [4]). „Общее содержаніе ихъ слѣдующее: болгары вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ не пользовались милостями, которыя оказывалъ имъ султанъ, боятся, чтобы въ будущемъ не было того же съ правами, обѣщанными гатти-гумаюномъ, и просятъ султана, чтобы онъ выразилъ, какъ ему будетъ угодно, что и болгарамъ предоставляется пользоваться этими правами, какъ особой народности. На вопросъ Порты, чѣмъ же они недовольны, болгары исчислили

---

[1]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 528.

[2]) Письмо Н. Герова къ Е. П. Ковалевскому 7 марта 1857 года.

[3]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13—14, № 7.

[4]) Тамъ же, стр 13, № 3.

жалобы свои на греческое духовенство“ [1]). Въ началѣ 1858 года представители болгарскаго народа въ Константинополѣ являлись и къ преосвященному Кириллу мелитопольскому, назначенному настоятелемъ русской іерусалимской миссіи, и представляли ему о необходимости имѣть болгарамъ своихъ архіереевъ, но произвели на преосвященнаго Кирилла довольно неблагопріятное впечатлѣніе. „Началась бесѣда,—писалъ онъ,—обычными жалобами и просьбами о помощи. Дѣло дошло до вопроса: въ чемъ же собственно нуждаются и чего хотятъ болгаре?—Говорятъ, что нужно непремѣнно своихъ архіереевъ. Много ли кандидатовъ? Два: Іоанникій и Иларіонъ. Что могутъ сдѣлать два архіерея въ отношеніи къ пяти милліонамъ народу, безъ помощи приходскаго духовенства, болѣе или менѣе подготовленнаго къ своему дѣлу? Очевидно, ничего! Выходитъ, что нужно еще прежде имѣть училища? Отвѣчаютъ, что низшія училища есть и довольно успѣшно распространяютъ грамотность, такъ что почти весь народъ болгарскій—народъ грамотный; остается желать семинарій для духовенства. Совершенно справедливо; но есть ли подготовленные начальники и наставники? Увы! четыре человѣка, поучившіеся кое-чему, кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства. Сами сознаются, что не склеили бы у себя чего-нибудь дѣльнаго, а кричатъ на патріархію; сами видятъ, что еще недовольно ясно понимаютъ, чего хотятъ, а уже спѣшатъ просить денегъ у Россіи и, при случаѣ, готовы роптать на Россію точно такъ же, какъ ропщутъ на грековъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, нѣтъ у этихъ несчастныхъ средоточія заботъ о благѣ отечества. Что болгаринъ, то попечитель общественнаго блага; что лице, получившее нѣкоторую тѣнь образованія, то особая система общественнаго благоустройства, особыя мѣры къ обезпеченію блага общества, а въ началѣ всего—своего

[1]) Письмо Н. Герова къ Ковалевскому 7 марта 1857 года.

собственнаго существованія. Не мудрено, что при такомъ порядкѣ вещей являются архіереи-болгаре, которые не только скрываютъ, что они—болгаре, но и положительно забываютъ свой природный языкъ,—бываютъ вельможи, которые вспоминаютъ, что они—болгаре, только тогда, когда перессорятся съ греками и хотятъ отомстить имъ бурями въ стаканѣ воды. Насколько виноваты въ подобныхъ случаяхъ греки и насколько правы жалующіеся на грековъ, опредѣлить очень трудно“ [1]). Еще хуже аттестовалъ впослѣдствіи болгарскихъ представителей архимандритъ Петръ. „Сказать по правдѣ,—кто хочетъ своей іерархіи? Архимандриты и монахи болгарскіе? Нѣтъ, не они главными того искателями. Этого домогаются болгарскія настоятельства Константинополя, Одессы и другихъ мѣстъ. Для чего? Отнюдь не для интересовъ церкви и не для развитія въ народѣ благочестія, а для объединенія народности и пріобрѣтенія для ней правъ гражданственныхъ: это мнѣ извѣстно за достовѣрное. Какъ же они хотятъ достигнуть этого? Они хотятъ всей тяжестью своей напасть на архіереевъ, чтобы сіи послѣдніе, какими знаютъ судьбами, форсированно подняли въ народѣ и образованіе, и личность, и даже воинственность. Гдѣ деньги и средства къ тому матеріальныя? Прямѣе всего—отъ народа? Да, но настоятели этого не позволятъ; они давно уже привыкли владѣть духомъ народа (и этого не выпустятъ изъ своихъ рукъ) и сосать его для своего насыщенія, но, какъ говорятъ, для его здравія и благоденствія... Они-то и будутъ архіереямъ отпускать *малую толику* и для жалованья, и для потребностей народныхъ. Никогда не забуду сказаннаго ими въ собраніи: „мы ихъ (т. е. архіереевъ своихъ) посадимъ на хлѣбъ да на воду, чтобы они отнюдь не думали о себѣ, какъ жить-поживать, а

---

[1]) Записка преосвящ. Кирилла, писанная въ мартѣ 1858 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 81. О пребываніи его въ Константинополѣ см. „Духовную Бесѣду“, 1858 г., № 19, стр. 247.

чтобы дѣлали только то, что нужно, т. е. что они прикажутъ", и проч. [1]).

Какъ бы то ни было, но, задумавъ свою собственную іерархію, болгарскіе представители на первыхъ же порахъ разошлись между собою во мнѣніяхъ относительно частностей. Одни изъ нихъ, болѣе благоразумные и умѣренные, просили только славянскаго богослуженія и епископовъ изъ болгаръ, подчиненныхъ все равно, кому бы то ни было. Другіе сверхъ этого желали, чтобы высшее духовенство болгарское не зависѣло отъ патріарха константинопольскаго и имѣло бы во главѣ своей духовную особу изъ болгаръ подъ какимъ бы то ни было названіемъ, которая управляла бы болгарскою церковію независимо отъ патріарха и служила бы въ глазахъ правительства представителемъ собственно болгаръ, которыхъ оно не различало до сихъ поръ отъ грековъ. Сочиненіе такихъ бумагъ приписывали Александру Екзархову и Филиппопольскому болгарину Николаю Чалыкову. Первоначально всѣ болгары принадлежали къ первой категоріи; но нежеланіе константинопольскаго патріарха и синода отмѣнить существовавшую до тѣхъ поръ исключительность въ пользу грековъ повело къ тому, что родилась мысль выйти изъ подчиненности ихъ и возстановить порядокъ, существовавшій до половины прошедшаго столѣтія. При этомъ стали уже упоминать и о болгарскомъ патріархатѣ, „но объ немъ говорятъ не съ тѣмъ,—писалъ Н. Геровъ,—чтобы возстановить его, а какъ объ учрежденіи, прежде существовавшемъ, на которомъ можно основать доказательства правъ болгарской церкви на независимость" [2]).

---

[1]) Записка архим. Петра, 15 окт., 1860 г., въ черновыхъ его бумагахъ, л. 38 на обор.

[2]) Письмо Н. Герова къ Е. П. Ковалевскому 7 марта, 1857 г., въ бумагахъ архим. Петра. Сн. тамъ же опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13, № 3.

Мы, впрочемъ, знаемъ, что мысль о возстановленіи болгарскаго патріаршества серьезно занимала нѣкоторыхъ представителей болгарскаго народа. Лѣтомъ 1858 года архимандритъ Петръ, по дорогѣ въ Константинополь, узналъ въ Одессѣ, что болгары утѣшались самыми лестными надеждами видѣть у себя свой патріархатъ и свою собственную іерархію. Усердно изготовлялась исторія Болгаріи, и, по соображеніямъ, годъ окончанія ея совпадалъ съ годомъ (окончанія?) патріаршества болгарскаго, именно 1863 годъ [1]). Но, въ виду предстоявшаго церковно-народнаго собранія, созываемаго въ силу гатти-гумаюна 6 февраля 1856 года, болгары поспѣшили пустить эту мысль въ обращеніе раньше юбилейнаго срока и хлопотали передъ Портою о возстановленіи болгарскаго патріархата. Порта, повидимому, готова была удовлетворить требованію болгаръ, но для этого предварительно требовала доказать, на какихъ основаніяхъ возможно возстановленіе болгарскаго патріаршества. Извѣстный ученый болгарскій Палаузовъ (изъ Одессы) доказывалъ, что основанія тому есть и въ писаніяхъ греческихъ историковъ, которыя впрочемъ не сильны и частію истреблены греками, и въ рукописяхъ древнихъ монастырей, и въ его сборникѣ. Всѣхъ патріарховъ болгарскихъ было 14. Въ его памятникѣ болгарской старины XIV столѣтія описывается довольно подробно возстановленіе болгарскаго патріаршества, съ приложеніемъ грамоты никейскаго императора Іоанна Дуки Ватаци и грамоты греческаго патріарха Германа, подтвержденной и прочими вселенскими патріархами —Аѳанасіемъ іерусалимскимъ, Симономъ антіохійскимъ и Николаемъ александрійскимъ. Патріархія была въ Тырновѣ,

---

[1]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому 8 ноября, 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1. Авторъ этой исторіи, вѣроятно Палаузовъ, умеръ въ томъ же 1858 году. Въ запискѣ своей 15 окт., 1860 г., архим. Петръ упоминаетъ даже о проэктѣ дать болгарамъ русскаго патріарха. См. ее въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 41 на обор.

и указаны митрополіи, состоявшія въ вѣдѣніи тырновскаго патріарха. Это было въ 1234 году. Другое доказательство тому—бумага константинопольскаго патріарха Каллиста къ тырновскимъ духовнымъ властямъ, въ которой онъ оспариваетъ патріаршество тырновское и говоритъ, *что если оно и было, то было только вслѣдствіе снисхожденія къ постояннымъ просьбамъ болгаръ.* Здѣсь важно сознаніе самаго патріарха въ томъ, что существовала тырновская патріархія. Патріархъ этотъ жилъ въ XIV вѣкѣ и властвовалъ два раза: съ 1350 по 1361 и съ 1365 по 1369 годъ [1]).

Но самая неумѣренность болгарскихъ требованій больше всего и была причиною ихъ неудачи. На образованіе особой, независимой іерархіи болгарской не могли согласиться ни русское правительство, дорожившее единствомъ православной церкви на Востокѣ, ни тѣмъ болѣе константинопольскій патріархъ. Покойный Государь Императоръ неоднократно подтверждалъ своему посланнику въ Константинополѣ Бутеневу всѣми силами склонять грековъ и болгаръ къ миру и взаимнымъ уступкамъ и такимъ образомъ соблюсти единство православной церкви. Министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, препровождая къ Бутеневу три записки о самостоятельномъ въ прежнее время іерархическомъ порядкѣ у болгаръ, поручалъ опытности Бутенева стать посредникомъ между греческимъ патріархомъ и болгарами и, по силѣ обстоятельствъ и по правамъ гатти-гумаюна, убѣдить патріарха, чтобы онъ даналъ болгарамъ и своихъ священниковъ, и своихъ архіереевъ, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не было отдѣленія болгарской церкви отъ греческой [2]). Вслѣдствіе этого, Бутеневъ неоднократно предлагалъ патріарху соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію мира между греческимъ духовенствомъ и болгарскою паствою, какъ-то: постепенное введеніе въ богослуженіе славянскаго языка, поставленіе священниковъ и епископовъ изъ болгаръ, учрежденіе въ самой Болгаріи одного или двухъ высшихъ бол-

[1]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 14, № 43.
[2]) Тамъ же, стр. 8, № 2.

гарскихъ училищъ, съ субсидіей отъ русскаго правительства, и проч. [1]). Патріархъ отвѣчалъ уклончиво и, повидимому, обѣщалъ исполнить желанія посланника [2]); но, въ заключеніе всего, патріархъ рѣшительно, хотя и деликатно, отказалъ на всѣ пункты требованій г. Бутенева. На новыя настоянія послѣдняго, патріархъ отвѣчалъ ему, въ концѣ 1857 года, голословными увѣреніями въ любви къ Россіи и писалъ, что 1) въ Болгаріи все низшее духовенство состоитъ изъ болгаръ; 2) славянскій языкъ въ повсюдномъ употребленіи въ деревняхъ, а въ городахъ—на половину; 3) что епископы, назначаемые къ болгарамъ, хорошо знакомы съ языкомъ славянскимъ; 4) что у патріарха не достаетъ средствъ къ приведенію въ цвѣтущее состояніе училищъ народныхъ; 5) что при настоящемъ низкомъ образованіи народа нельзя ожидать вполнѣ просвѣщеннаго духовенства; 6) приведенные примѣры безпорядковъ отъ епископовъ оспариваетъ и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ, напротивъ, хвалитъ; 7) вину безпорядковъ сваливаетъ то на Порту, то на неспокойныя головы нѣкоторыхъ, ищущихъ отдѣленія отъ церкви, то на козни мусульманъ, желающихъ ослабить союзъ любви между пастырями и паствою и держать высшее греческое духовенство въ унизительной отъ себя зависимости. На донесеніи о семъ Бутенева отъ 7 декабря 1857 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ собственноручно начертать: „Все это немного предвѣщаетъ хорошаго“ [3]). Мало того, около того же времени патріархъ будто бы издалъ даже какой-то циркуляръ, по которому должны быть закрыты въ Болгаріи народныя училища [4]).

Ближайшую причину этой рѣзкой перемѣны въ поведеніи константинопольскаго патріарха, дотолѣ все обѣщавшаго, но не исполнявшаго обѣщаній, нужно искать въ послѣдовав-

[1]) Тамъ же, стр. 9, № 12.
[2]) Тамъ же, стр. 8, № 6.
[3]) Тамъ же, стр. 15, № 6; см. стр. 10, № 18.
[4]) Тамъ же, стр. 11, № 34.

шей перемѣнѣ обстоятельствъ въ пользу его и патріархіи. Доселѣ патріархъ константинопольскій находился въ самомъ критическомъ положеніи. „Силы патріархіи,—говоритъ А. Муромцова, принужденной бороться и съ уніей, и протестантскою пропагандой, и болгарами, раздѣлялись и ослабѣвали, тѣмъ болѣе, что за уніей стояло вліяніе западной Европы, а за болгарами была Россія“ [1]). Самъ патріархъ находился въ опасности. Противъ него были его же члены синода, который раздѣлился на двѣ партіи: одна изъ нихъ, съ Герасимомъ халкидонскимъ и Панаретомъ гераклійскимъ, стояла за патріарха, а во враждебномъ лагерѣ находился Іоакимъ кизическій, ставшій впослѣдствіи преемникомъ патріарха Кирилла. Положеніе этого послѣдняго было шатко, такъ что Бутеневъ опасался, чтобы не заставили его отказаться отъ престола и не возвели на него опять Анѳима, преданнаго Портѣ и Англіи [2]). Въ такомъ положеніи патріархъ Кириллъ самъ лично, можетъ-быть, и не прочь былъ сдѣлать болгарамъ уступки, требуемыя Россіей, чтобы удержать хотя тѣнь іерархической власти надъ болгарами, если бы не опасался происковъ враждебной ему партіи. Но болгары своими неумѣренными требованіями самостоятельной болгарской іерархіи и возстановленія болгарскаго патріархата сами подали противъ себя оружіе патріархіи и поборникамъ эллинизма. Не трудно было доказать, что всѣ доводы, приводимые Палаузовымъ въ пользу существованія болгарскаго патріархата въ прежнія времена, не имѣли законной, обязательной силы послѣ привиллегій Магомета II, на которыхъ покоилось современное положеніе православной церкви въ предѣлахъ Турціи. Но едва ли патріархъ прибѣгалъ даже и къ этому доказательству: онъ просто-напросто заподозрилъ внушеніе и подстрекательство Россіи въ стремленіи болгаръ къ іерархической независимости и свои подо-

[1]) „Первый экзархъ болгарскій блаженный Антимъ“, Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1881 г., стр. 316.

[2]) Опись дѣлъ Константинопольской миссіи, 1858 г., стр. 13, № 3, въ бумагахъ архим. Петра.

зрѣнія внушилъ и Портѣ [1]). Результатъ былъ, можно сказать, неожиданный для самаго патріарха. Въ первыхъ числахъ ноября 1857 года Порта издала фирманъ, содержавшій подробныя правила объ учрежденіи и занятіяхъ обѣщанныхъ гатти-гумаюномъ особенныхъ коммиссій или церковно-народныхъ собраній, для разсмотрѣнія дарованныхъ христіанамъ въ разныя времена правъ и преимуществъ и приведенія ихъ въ гармонію съ прогрессомъ и просвѣщеніемъ вѣка [2]). Но этотъ фирманъ не признавалъ особой болгарской національности съ особымъ духовнымъ главой и относился только къ греческой патріархіи, которой, такимъ образомъ, всецѣло вручены были судьбы болгарской церкви и національности. Члены будущаго народнаго собранія или коммиссіи предлагались на утвержденіе Порты патріархіей, которая, поэтому, имѣла полную возможность образовать болѣе или менѣе благопріятный для эллинизма составъ ихъ. Патріархъ Кириллъ скоро понялъ выгоды своего вновь подтвержденнаго господственнаго положенія по отношенію къ болгарамъ и не только не считалъ болѣе нужнымъ дѣлать какія-либо уступки болгарамъ, но и старался ограничить и нѣкоторыя уже данныя имъ болгарамъ права, какъ мы это видѣли выше. И болгары также поняли и почувствовали, что, съ изданіемъ фирмана объ учрежденіи церковно-народныхъ собраній, они потеряли подъ собою твердую почву и отданы подъ власть патріархіи. Извѣстный уже намъ Палаузовъ жаловался Е. П. Ковалевскому на устраненіе болгаръ изъ предстоящаго церковно-народнаго собранія или комиссіи объ устройствѣ блага подданныхъ и на константинопольскаго патріарха за циркуляръ, по которому будто бы должны быть закрыты въ Болгаріи народныя училища, укорялъ русскихъ и угрожалъ, что болгары непремѣнно и скоро

---

[1]) Тамъ же, стр. 13 и 14, № 7.

[2]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 505—506.

будутъ или уніатами, или еретиками особаго рода на основаніи корана [1]).

Единственная, хотя и слабая надежда оставалась болгарамъ на церковно-народное собраніе и милость самаго патріарха. Въ конфиденціальномъ разговорѣ съ г. Бутеневымъ патріархъ увѣрялъ его, что всѣ члены церковно-народнаго собранія одушевлены самыми благими намѣреніями [2]). Съ другой стороны, самъ патріархъ и члены его синода обѣщали архимандриту Петру возводить на степень архіерейства достойнѣйшихъ изъ болгаръ. „Прежнее мнѣніе патріарховъ и синода,—писалъ архимандритъ Петръ,—что Болгарія тяготѣетъ къ Западу и потому опасно давать ей владыкъ единоплеменныхъ, нынѣ, сколько я могу замѣчать, довольно ослабѣваетъ“ [3]). Подъ вліяніемъ ли этихъ успокоительныхъ обѣщаній, или и по другимъ причинамъ, на нѣкоторое время затихла открытая вражда между греками и болгарами, что архимандритъ Петръ приписывалъ своимъ собственнымъ, личнымъ усиліямъ. „Благонамѣреннымъ вразумленіемъ и подробнымъ съ моей стороны раскрытіемъ всего, о чемъ кратко доношу Вашему Сіятельству,—писалъ архимандритъ Петръ 8 ноября, 1858 г., г. Оберъ-Прокурору св. Синода,—предъ самыми болгарами (о несправедливыхъ ихъ притязаніяхъ), милостію Божіею, остановлено желчное, угрожающее волненіе представителей народныхъ противъ грековъ, но осталось еще глухое, темное неудовольствіе противъ нихъ. Для изглажденія этого непріятнаго чувства избраны мной, совмѣстно съ болгарами, средства къ окончательному примиренію ихъ съ греками“ [4]). Но это было только временное затишье передъ новой бурей, продолжавшееся менѣе года.

---

[1]) Опись дѣлъ Константинопол. миссіи, 1858 г., стр. 11, № 34.

[2]) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 2 на об.

[3]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, послѣ 7 іюня, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 11.

[4]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода 8 ноября, 1858 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 3.

VI.

Церковно-народное собраніе, разрѣшенное султанскимъ фирманомъ еще въ ноябрѣ 1857 года, открылось не скоро, такъ какъ между министрами Порты и высшимъ греческимъ духовенствомъ возникло сильное несогласіе въ мнѣніяхъ касательно присяги духовныхъ лицъ Портѣ, присутствованія представителя Порты на засѣданіяхъ церковно-народнаго собранія и количества и способа избранія членовъ собранія. По настоянію патріархіи, присяга Портѣ была отмѣнена, но удержанъ Портою представитель ея на засѣданіяхъ собранія. Членами собранія назначены были 31 свѣтскихъ членовъ и 7 духовныхъ. Изъ свѣтскихъ членовъ было 10 депутатовъ отъ столицы и 21 изъ областей и между ними только 3 представителя славянъ, именно представители Босніи (Вутковичъ), Тырнова (Минчоглу) и Филиппополя (Стояновичъ) и, кромѣ того, уполномоченный престарѣлаго князя Богоридеса (Фотіади), вскорѣ затѣмъ умершаго. Депутатами отъ духовенства сначала назначены были 6 митрополитовъ-геронтовъ или постоянныхъ членовъ константинопольскаго синода и митрополитъ дидимотихскій. Но въ іюлѣ 1858 года, по приказанію Порты, митрополиты-геронты исключены были изъ состава собранія и, вмѣсто ихъ, назначены и вызваны митрополиты не изъ геронтовъ.

Назначенные такимъ образомъ депутаты стали съѣзжаться въ Константинополь лѣтомъ 1858 года, такъ что къ сентябрю мѣсяцу ихъ съѣхалось до 12 лицъ. Наконецъ, 3 октября, 1858 года, церковно-народное собраніе открыло свои засѣданія, происходившія разъ въ недѣлю[1]) и продолжавшіяся, съ перерывами, до $^{5}/_{16}$ февраля 1860 года вклю-

---

[1]) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78. Сн. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 506.

чительно [1]). „Въ самомъ началѣ совѣщаній о дѣлахъ церкви возникло сильнѣйшее и раздражительное разногласіе между его святѣйшествомъ и членами св. синода.. Послѣ, спустя непродолжительное время, частію успокоительнымъ ходомъ дѣлъ въ народномъ совѣтѣ, частію при помощи посторонней, время отъ времени пламень разногласія былъ потушаемъ. Но отнюдь нельзя сказать, чтобы причины, произведшія сей печальный раздоръ, были устранены“,—писалъ архимандритъ Петръ [2]). Предметами обсужденій и постановленій собранія были—избраніе патріарха и архіереевъ, составъ св. синода, сношенія св. синода съ патріархомъ и взаимныя ихъ обязанности, погашеніе патріаршаго долга и содержаніе православнаго духовенства и общественныхъ учрежденій [3]). Не смотря на преобладаніе греческаго элемента въ церковно-народномъ собраніи, нѣкоторыя постановленія его могли принести въ будущемъ пользу и славянамъ, такъ какъ вообще клонились къ расширенію правъ народнаго представительства въ церковно-общественныхъ дѣлахъ, которыми могли воспользоваться и славяне. Притомъ же, и немногочисленные члены собранія изъ славянъ нерѣдко поднимали на его засѣданіяхъ голосъ за своихъ единоплеменниковъ и имѣли въ этомъ отношеніи нѣкоторый успѣхъ.

Не касаясь всѣхъ занятій и постановленій церковно-народнаго собранія, остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя или прямо касались славянъ, или же косвенно могли быть впослѣдствіи благопріятны имъ.

Въ постановленіи объ избраніи патріарха сказано,

---

[1]) Донесеніе архим. Петра 9 февраля 1860 г. м. Григорія, въ бумагахъ послѣдняго, № 92.

[2]) Донесенія архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода. 8 ноября, 1858 г., и м. Григорію, въ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 3 и 16 на обор.

[3]) Донесеніе А. Лобанова отъ 7/19 февраля, 1859 г.. Министру Иностранныхъ дѣлъ, съ постановленіями собранія, въ бумагахъ м Григорія, №№ 87 и 82.

что, въ случаѣ вакансіи патріаршаго престола, кромѣ назначенія мѣстоблюстителя, увѣдомленія Портѣ и митрополитамъ, „равнымъ образомъ будутъ отправлены письма къ 28 общинамъ, т. е. къ кесарійской, ефесской, ираклійской, кизической, никомидійской и никейской (отъ сихъ двухъ послѣднихъ будетъ одинъ представитель), халкидонской и деркосской (отъ которыхъ также будетъ одинъ представитель), салоникской, тырновской, адріанопольскій, амасійской, янинской, брусской, пелагонійской, боснійской, критской, требизондской, ларисской, филиппопольской, сересской, смирнской, митиленской, виддинской, варнской, софійской, хіосской, скопійской, писидійской и кастамунской, чтобы ихъ пригласить къ назначенному дню по одному представителю, или таковымъ назначить кого-либо изъ своихъ соотечественниковъ, человѣка безукоризненнаго и пребывающаго въ Константинополѣ“ [1]), для участія въ избраніи новаго патріарха. Этимъ постановленіемъ дано право на участіе въ выборѣ патріарха и нѣсколькимъ славянскимъ городамъ, имѣвшимъ второстепенное значеніе въ имперіи, тогда какъ лишены были этого права нѣкоторые изъ первенствующихъ греческихъ городовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ одинъ изъ духовныхъ членовъ собранія въ своихъ примѣчаніяхъ на правила объ избраніи патріарха. „По милости нѣкоторыхъ, засѣдающихъ теперь въ народномъ совѣтѣ,—писалъ онъ,—данъ голосъ и тѣмъ городамъ, которые не имѣютъ правъ, принадлежащихъ первенствующимъ городамъ, какъ напримѣръ *Тырнову*, *Филиппополю*, Серрѣ, Смирнѣ, Митиленѣ, *Софіи*, Хіосу..., но забыли другія области, какъ-то Трапезундъ, Еллеспонтъ, Ниссу, Призрѣнъ, Синопъ, Рухизани“ [2]).

Засѣданіе 19 декабря 1858 года посвящено было раз-

---

[1]) Донесеніе А. Лобанова, въ бумагахъ м. Григорія, № 82, глава I, ст. 2.

[2]) Донесеніе А. Лобанова, въ бумагахъ м. Григорія, № 88.

смотрѣнію вопроса объ избраніи епархіальныхъ архіереевъ. Свѣтскіе стали требовать себѣ участія и въ избраніи архіереевъ. Начались горячія пренія. „Въ особенности депутаты отъ болгаръ, — писалъ новый нашъ посланникъ при Портѣ А. Лобановъ отъ 27 декабря 1858 года, — позволили себѣ въ увлеченіи неумѣренныя обвиненія противъ высшаго духовенства". Отъ вопроса объ избраніи архіереевъ они перешли къ вопросу о томъ, на какомъ языкѣ совершается богослуженіе въ Болгаріи. Засѣданіе становилось очень шумно, и тогда нѣкоторые изъ преосвященныхъ прочли списокъ епархій и церквей, въ которыхъ богослуженіе совершается исключительно по-славянски. По прочтеніи сего списка, спокойствіе возстановилось [1]). Въ засѣданіи 3 января 1859 года разсмотрѣнъ и утвержденъ проэктъ коммиссіи о составѣ св. синода и выборѣ и низложеніи архіереевъ. „Чтобы рѣшеніе дѣла было опредѣленнѣе и точнѣе, дали каждому члену собранія карточку, чтобы каждый свободно выразилъ свое мнѣніе. Всѣ прочіе дали утвердительные голоса, кромѣ представителей Босніи и Филиппополя, представившихъ бѣлыя, и духовнаго лица, подавшаго отрицательный голосъ. Представитель Босніи отговаривался своею отдаленностію, разумно сказавъ, что не понималъ разсужденія о предметѣ, который предложенъ на утвержденіе, потому что о немъ говорили на непонятномъ ему языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, когда ему вкратцѣ было объяснено, онъ понялъ вполнѣ и согла-

---

[1]) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ", 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 11. Кромѣ того, въ бумагахъ архим. Петра имѣется записка представителей епархій Босніи и Болгаріи на имя собранія и его предсѣдателя, помѣченная 6 декабря 1858 года, въ которой развиваются совершенно тѣ же мысли о злоупотребленіяхъ высшаго греческаго духовенства, необходимости славянскаго языка при богослуженіи и способѣ избранія архіереевъ при участіи паствы, какія высказывались болгарскими депутатами на засѣданіи 19 декабря 1858 года. Она напечатана также въ статьѣ Ѳ. Стоянова-Бурмова „Греко-болгарская распря", въ „Русскомъ Вѣстникѣ", февраль, 1886 г., стр. 508—511.

сился съ другими, что̀ сдѣлалъ и представитель Филиппополя, отнеся жалобу на составленіе прежде бывшихъ протоколовъ“ [1]).

Въ правилахъ объ избраніи архіереевъ и удаленіи ихъ съ каѳедръ, между прочимъ, постановлено было слѣдующее: „Ст. 5. Онъ (архіерей) долженъ знать греческій, турецкій и славянскій языки, смотря по области, въ какую назначается.—Ст. 9. Въ случаѣ смерти одного изъ архіереевъ, занимающихъ епархіальную каѳедру, св. синодъ не приступитъ къ назначенію преемника прежде полученія оффиціальнаго донесенія о кончинѣ архіерейской, подписаннаго мѣстными духовными и свѣтскими лицами, съ цѣлью, чтобы, если вмѣстѣ съ симъ увѣдомленіемъ, посланнымъ при первомъ удобномъ случаѣ, они представили бы церкви кого-нибудь, извѣстнаго имъ и церкви, обладающаго требуемыми качествами, находящагося въ то время или въ самой епархіи или въ другомъ мѣстѣ Оттоманской имперіи, опытнаго въ обязанностяхъ духовнаго пастыря и испытаннаго въ служебныхъ дѣлахъ или при умершемъ, или при какомъ-нибудь другомъ архіереѣ,—это лицо принято было, по одобренію св. синода, въ число трехъ кандидатовъ.—Ст. 12. Каждый епархіальный архіерей пожизненно остается на мѣстѣ, на которое призванъ. Но ежели христіане которой-нибудь епархіи представятъ церкви жалобы на архіерея, тогда св. синодъ, истощивъ всѣ средства примиренія враждующихъ сторонъ и постаравшись чрезъ посредство сосѣдняго архіерея изслѣдовать дѣло и возстановить миръ, долженъ, если жалующіеся настаиваютъ и требуютъ суда, вызвать въ Константинополь обвиняемаго архіерея.... Ежели же обвиненный признанъ невиннымъ, онъ возвращается безпрепятственно къ своей должности, снабженный доказа-

---

[1]) Корреспонденція изъ газеты „Византисъ“, въ русскомъ переводѣ, въ бумагахъ архим. Петра.

тельствомъ своей невинности, а тѣ, кои его обвиняли, будутъ объявлены клеветниками, подвергнутся заслуженнымъ наказаніямъ и будутъ присуждены къ вознагражденію архіерею, котораго они несправедливо преслѣдовали“ [1]). Обязывая епархіальныхъ архіереевъ знать мѣстный языкъ своихъ пасомыхъ, эти правила вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ послѣднимъ значительную долю участія въ выборѣ и удаленіи архіереевъ, что въ епархіяхъ съ сплошнымъ или преобладающимъ славянскимъ населеніямъ давало возможность выбирать кандидатовъ на епископства изъ славянъ же.

Болѣе прямыя и рѣшительныя постановленія въ пользу славянъ сдѣланы въ правилахъ о сношеніяхъ св. синода съ патріархомъ и о взаимныхъ ихъ обязанностяхъ. „Ст. 27... Въ епархіяхъ болѣе замѣчательныхъ,—говорится здѣсь,—должны кромѣ того быть духовныя школы, въ коихъ будутъ воспитываться желающіе посвятить себя церкви и въ особенности сыновья священниковъ, равно какъ и дьяконы и священники, нуждающіеся еще въ образованіи. Воспитанники со способностями и желающіе усовершенствоваться будутъ посылаемы архіереемъ въ богословское училище въ Константинополь.—Ст. 34. Должно быть главнѣйшею заботою св. синода принять въ разсужденіе и посвятить свое вниманіе жалобамъ, поданнымъ церкви въ разныя времена нашими братьями единовѣрцами болгарами, въ отношеніи служенія св. литургіи. Церковь должна съ духовною попечительностію и съ материнскою любовію изслѣдовать, до какой степени жалобы и прошенія, ей поданныя, требуютъ исправленія, и должна оказать справедливость для возвращенія мира и спокойствія нашимъ возлюбленнымъ братьямъ.—Ст. 36. Особенныя заботы должны быть приложены и къ другимъ народнымъ учрежденіямъ, какъ госпитали, главное

---

[1]) Постановленія собранія—въ бумагахъ м. Григорія, № 82.

народное училище въ Константинополѣ, равно какъ и школы общинныя и окружныя“ [1]).

По поводу поименованныхъ постановленій посланникъ А. Лобановъ писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ $^{7}/_{19}$ февраля 1859 г., слѣдующее: „Не входя въ подробное разсмотрѣніе проэкта этого учрежденія (константинопольскаго св. синода), я долгомъ считаю обратить вниманіе Вашего Сіятельства распоряженія, отъ которыхъ могутъ ожидать особенной пользы племена негреческія въ Турціи. Это 1) обязательство для архіереевъ знать нарѣчіе округа, гдѣ находятся ихъ епархіи (гл. II, ст. 5); 2) право паствы, въ случаѣ смерти архіерея, представлять кандидата (тамъ же, ст. 9); 3) право паствы приносить жалобы синоду на архіерея (тамъ же, ст. 12); и, 4) непремѣнная обязанность синода, какъ только онъ соберется, принять къ должному соображенію просьбы и жалобы, изъясненныя болгарами относительно служенія литургіи (гл. IV, ст. 34). Сколько я могъ судить по многимъ разговорамъ съ духовными и свѣтскими членами совѣта, они искренно желаютъ уничтожить прискорбное недоразумѣніе, существующее между племенами славянскими и греческими въ Турціи, и, сколько мнѣ извѣстно, распоряженія, выше мною поименованныя, уже много способствовали къ утвержденію нѣкотораго спокойствія въ умахъ болгаръ, пребывающихъ въ Константинополѣ. Между вопросами, о которыхъ совѣтъ долженъ еще разсуждать, два главныхъ суть: погашеніе патріаршаго долга и содержаніе православнаго духовенства и общественныхъ учрежденій“ [2]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что г. Лобановъ оптимистически смотрѣлъ на дѣло и, повидимому, вовсе не зналъ, что почти одновременно съ его представленіемъ члены константинопольскаго синода составили

---

[1]) Постановленія собранія—въ бумагахъ м. Григорія, № 82.

[2]) Представленіе Лобанова—въ бумагахъ м. Григорія, № 87.

свои замѣчанія на постановленія церковно-народнаго собранія, съ протестомъ противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезъ архимандрита Петра препроводили ихъ къ новгородскому и с.-петербургскому митрополиту Григорію[1]) и такимъ образомъ старались подорвать значеніе дѣятельности церковно-народнаго собранія.

Между тѣмъ занятія этого собранія продолжались пока своимъ чередомъ и оканчивались большею частію благополучно и мирно. Здѣсь можно отмѣтить только небезъинтересный для насъ эпизодъ возвышенія голоса славянскихъ членовъ собранія на засѣданіи 12 марта 1859 г. по поводу преній о жалованьи духовенству. „Преніе сдѣлалось общимъ; свѣтскіе члены потребовали баллотировки. Оказалось въ пользу жалованья только 6 голосовъ, а именно: логоѳета, греческаго константинопольскаго депутата Адоссиди, Фотіади (уполномоченнаго отъ престарѣлаго князя Вогоридеса, который впослѣдствіи умеръ) и всѣхъ трехъ славянскихъ депутатовъ (2 отъ Босніи и 1 отъ Болгаріи). Особенно послѣдній (Гавро Вутковичъ) возражалъ духовенству такъ горячо и съ такимъ увлеченіемъ говорилъ въ пользу своихъ соотечественниковъ, и особенно славянскихъ священниковъ, утѣсняемыхъ епископами, что собраніе, не вполнѣ понявъ его рѣчь, произнесенную по-славянски и переведенную по-гречески адріанопольскимъ митрополитомъ въ смягченномъ видѣ, уполномочило Г. Вутковича представить протестъ свой въ слѣдующее засѣданіе. Протестъ былъ представленъ и прочитанъ въ засѣданіи 20 марта. Въ немъ излагались причины неудовольствія босняковъ противъ высшаго духовенства. Оказалось, что эта записка, написанная, по словамъ князя Лобанова, болѣе съ увлеченіемъ, чѣмъ систематически, имѣла только внѣшнюю связь съ

---

[1]) Донесеніе архим. Петра м. Григорію, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 16 на об. Самыя замѣчанія—въ бумагахъ м. Григорія, № 90.

вопросомъ о жалованьи. Собраніе приняло протестъ сей къ свѣдѣнію и повторило обѣщаніе свое позаботиться о прекращеніи злоупотребленій“ [1]). Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ своихъ собраніе постановило передать управленіе церковными имуществами въ свѣтское распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы постоянный народный совѣтъ, который будетъ состоять изъ 8 мірянъ и 4 духовныхъ лицъ, имѣлъ высшее наблюденіе надъ управленіемъ церковными имуществами и надъ управленіемъ церковныхъ доходовъ [2]).

VII.

Но мирныя занятія церковно-народнаго собранія скоро нарушены были интригами и происками геронтовъ, подорвавшими авторитетъ собранія и разбудившими греко-болгарскую распрю. Недовольные проэктированнымъ уничтоженіемъ своихъ правъ и преимуществъ, геронты или безсмѣнные члены прежняго константинопольскаго св. синода успѣли склонить на свою сторону и патріарха Кирилла. Тогда свѣтскіе члены собранія рѣшились подать Портѣ прошеніе объ удаленіи патріарха Кирилла отъ предсѣдательства въ собраніи, а одинъ изъ нихъ, Адоссиди, добивался, чрезъ великаго визиря, дружески расположеннаго къ нему, даже сверженія патріарха съ престола и назначенія мѣстоблюстителемъ друга своего митрополита солунскаго Неофита, одного изъ духовныхъ членовъ церковно-народнаго собранія. Порта, по ходатайству русской миссіи, не приняла сего прошенія, и вмѣсто того были, по приказанію Порты, удалены изъ столицы всѣ геронты, безъ оффиціальнаго согласія на то патріарха [3]); но, отправляясь въ свои епархіи, они написали протестъ противъ своего удаленія

---

[1]) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 78, л. 30.

[2]) Тамъ же, л. 37.

[3]) Тамъ же, л. 37.

изъ столицы и постарались дать ему широкое распространеніе [1]). Это было въ іюнѣ 1859 года [2]). Такимъ образомъ, прежній синодъ изъ безсмѣнныхъ членовъ былъ фактически упраздненъ на время, а новый, проэктированный церковно-народнымъ собраніемъ, еще не составленъ,—и духовная административная власть сосредоточивалась въ лицѣ одного только патріарха. Этими обстоятельствами и задумалъ воспользоваться митрополитъ солунскій Неофитъ, чтобы свергнуть патріарха Кирилла съ престола и самому занять его мѣсто. Это—тотъ самый митрополитъ Неофитъ, который въ мартѣ 1857 года, по жалобамъ тырновскихъ болгаръ, переведенъ былъ съ тырновской епархіи на солунскую и успѣлъ произвести здѣсь смуты назначеніемъ своего діакона Мелетія на поліанскую или кукушскую епархію. Будучи назначенъ въ члены церковно-народнаго собранія, митрополитъ Неофитъ позволялъ себѣ, въ полномъ собраніи, самыя неприличныя выраженія противъ патріарха Кирилла, такъ что послѣдній высказалъ нашему посланнику Лобанову желаніе, чтобы Неофитъ былъ удаленъ въ свою епархію такъ же, какъ и геронты. Но верховный визирь Фуадъ-паша отвѣтилъ Лобанову, что „Порта не намѣрена поддерживать *нѣкоторыя личныя непріязни*, которыя могли привести хотя къ частному разложенію сего совѣщательнаго собранія, и что всѣ члены онаго до конца своихъ трудовъ будутъ удержаны на мѣстѣ, на которое они призваны довѣріемъ народнымъ“ [3]). Пользуясь безнаказанностію, Неофитъ повелъ интригу противъ патріарха далѣе и старался вооружить противъ него болгаръ и привлечь ихъ на свою сторону. Въ этомъ заподозривалъ его архимандритъ Петръ уже въ представленіи своемъ 7 августа 1859 года,

---

[1]) См. этотъ протестъ въ бумагахъ м. Григорія, №№ 83—85.

[2]) Письмо архим. Петра къ м. Григорію, въ бумагахъ сего послѣдняго, № 91.

[3]) Литографич. „Записка о преобразованіяхъ въ константинопольскомъ патріархатѣ“, 1859 г., л. 36, въ бумагахъ м. Григорія, № 78.

оберъ-прокурору св. синода [1]), а въ другомъ представленіи своемъ тому же оберъ-прокурору, писанномъ послѣ 12 сентября того же года, онъ прямо писалъ о митрополитѣ Неофитѣ слѣдующее: „Солунскій митрополитъ Неофитъ очень желаетъ быть патріархомъ на мѣсто настоящаго. Онъ ласкаетъ болгаръ, много обѣщаетъ сдѣлать въ пользу ихъ, если будетъ патріархомъ, и утѣшаетъ ихъ самою счастливою будущностію. Болгары, сколько замѣтно, расположены къ нему и—вѣрятъ“ [2]). Вѣроятно, этотъ Неофитъ солунскій и былъ тайною пружиною тѣхъ болгарскихъ волненій, о коихъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Еще 5 октября, 1858 года, на мѣсто Стефана Ковачевича, хиротонисованъ былъ во епископа къ болгарской константинопольской церкви архимандритъ Иларіонъ Стояновичъ, съ титуломъ Макаріупольскаго [3]); но для богослуженія въ этой церкви каждый разъ, повидимому, требовалось разрѣшеніе патріарха. 11 іюля 1859 года, „болгары, по обыкновенію, идутъ вечеромъ къ патріарху за позволеніемъ служить на утро въ своей церкви литургію. Патріаршій протосингелъ, послѣ многихъ ругательствъ сначала мірянамъ, а послѣ и преосвященному болгарскому Иларіону, налагаетъ на церковь ἀφορισμός (запрещеніе); патріархъ подтверждаетъ предъ мірянами запрещеніе, но, какъ теперь говорятъ, не на церковь, а совершать бракъ, о коемъ ниже будетъ сказано. Нѣкоторые изъ болгаръ узнали это въ

---

[1]) Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20 на оборотѣ. См. нижеслѣдующее примѣчаніе.

[2]) Тамъ же, л. 21 на об.

[3]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г. стр. 530. Объ обстановкѣ новаго архипастыря архимандритъ Петръ писалъ въ концѣ 1858 г. кіевскому митрополиту Исидору слѣдующее: „Для торжественнаго и благолѣпнаго служенія какъ въ готовой, крайне скудной, такъ и въ имѣющей создаться церкви, они (болгары) испросили себѣ архіерея; но ему облачиться не во что. Я далъ ему на время церковную митру и мантію, и въ этомъ его преосвященство служитъ теперь“. См. черновыя бумаги архим. Петра, л. 43 на обор.

тотъ же день, другіе—на утро, когда пришли къ литургіи; передано народу, и онъ волновался и волнуется по сей день,—писалъ архимандритъ Петръ 1 августа 1860 года. Въ негодованіи народа слышатся нынѣ не однѣ только прежнія угрозы. 31 іюля болгары, какъ я слышалъ, приготовили жалобу къ султану, въ коей просятъ совершеннаго своего отдѣленія отъ греческой іерархіи; болѣе 1000 печатей, вмѣсто подписи, уже приложено къ бумагѣ. Отчего такъ разгнѣвались болгары?"—спрашиваетъ архимандритъ Петръ, сообщившій эти свѣдѣнія, и отвѣчаетъ такъ: „Совершенно успокоенные надеждою на благонамѣренность народнаго совѣта, они вдругъ увидѣли, что синелевсисъ не окончилъ еще своего назначенія, между тѣмъ предпринимаются мѣры рѣшительныя (какъ изгнаніе геронтовъ), а въ пользу ихъ ничего до селѣ необъявлено. Даже его святѣйшество объявилъ (я слышалъ это отъ вѣрныхъ людей изъ болгаръ), что теперь — другія времена, и онъ можетъ не принимать распоряженій своихъ предшественниковъ. Потому народъ, и безъ того подозрительный, вдругъ вообразилъ, что ἄφοστος есть страшное оскорбленіе народности, и что подобныя оскорбленія могутъ и впредь зависѣть отъ одной прихоти архіерея... Не думаю (но кто знаетъ?), чтобы настоящее смущеніе константинопольскихъ болгаръ имѣло слишкомъ печальныя послѣдствія; но позволено себѣ думать, что патріархъ однѣми мелкими уступками едва ли можетъ успокоить столь возмущенное чувство 60 тысячъ мѣстныхъ болгаръ... Вотъ первое распоряженіе его святѣйшества по расчлененіи св. синода.—На какомъ основаніи послѣдовали такія распоряженія по отношенію къ болгарской церкви со стороны патріархата? Были причины, не кстати собранныя и вовсе не ко времени удостоенныя строгаго вниманія, именно: 1) въ недавнемъ времени священники болгарской церкви совершали бракъ въ чужомъ приходѣ, за что послѣдовала жалоба патріарху отъ мѣстнаго причта; 2) на дняхъ умерла дѣвица у одного изъ богатыхъ болгаръ и погребена

однимъ причтомъ болгарской церкви, хотя мѣстожительство этого болгарина—въ приходѣ греческой патріархіи, и 3) причтъ болгарской церкви надѣялся, безъ участія греческаго священника, совершить бракъ одного болгарина изъ Солуни, тогда какъ митрополитъ солунскій находится въ Константинополѣ. Это послѣднее происшествіе и послужило поводомъ къ столь печальнымъ явленіямъ... Если бъ священники болгарскіе своевременно были вразумлены, что поступаютъ несправедливо, то ничего подобнаго случиться бы не могло; но вдругъ ἄφοστος, и въ чувствѣ народа—взрывъ.—Болгары, по наложеніи запрещенія на церковь, вотъ что позволили себѣ сдѣлать: 1) уклониться отъ исполненія двукратно присланнаго имъ дозволенія служить въ своей церкви на слѣдующій день; 2) поутру, въ обычное время литургіи, всѣмъ приходящимъ въ церковь раздавать билетики, съ дерзкимъ объявленіемъ на нихъ о наложенномъ запрещеніи служить въ церкви, и 3) типографщику Цанкову, органу пропаганды, дозволили печатать о греческой іерархіи все, что онъ можетъ. Само собою, это низкая лесть и наглая придирка“[1]).

Узнавъ о волненіяхъ болгаръ и объ изготовленіи ими жалобы султану, съ просьбой объ отдѣленіи ихъ отъ греческой іерархіи, архимандритъ Петръ ѣздилъ къ болгарскому преосвященному Иларіону и убѣждалъ его и другихъ вліятельныхъ лицъ соблюсти миръ церкви и сильнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать противъ народнаго движенія. Преосвященный Иларіонъ, хотя едва скрывалъ какъ свое раздраженіе противъ патріарха, такъ и несогласіе дѣлиться съ греческимъ духовенствомъ доходами при исправленіи требъ, однако обѣщалъ полное свое содѣйствіе умиротворенію церкви, но при этомъ жаловался, что „народъ своеволенъ, и что онъ не имѣетъ надъ нимъ такой силы, какую слѣдовало

[1]) Представленіе архим. Петра м. Григорію, 1 августа, 1859 г., въ бумагахъ м. Григорія, № 91.

бы имѣть по его сану и по обстоятельствамъ церкви". Можетъ быть, благодаря усиліямъ преосвященнаго Иларіона, „только трое изъ богатыхъ болгаръ упорствовали въ требованіи представить прошеніе султану; всѣ же другіе надѣялись, что будутъ удовлетворены распоряженіями Великой Церкви" [1]). Дѣйствительно, патріархъ объявилъ преосвященному Иларіону, что болгарскіе священники могутъ попрежнему совершать разныя требы по приглашенію своихъ соплеменниковъ. Но тѣмъ не менѣе прошеніе все-таки было подано султану, хотя и въ смягченномъ видѣ: въ немъ они просили Порту о дарованіи болгарскому народу такихъ же правъ, какими пользуются прочіе христіанскіе народы имперіи. Порта передала это прошеніе церковно-народному собранію [2]). Наконецъ 25 октября 1859 года, состоялось наружное и временное примиреніе между константинопольскими болгарами и высшей греческой іерархіей, по поводу закладки новаго болгарскаго храма въ Константинополѣ. „Болгары константинопольскіе,—писалъ архимандритъ Петръ м. Григорію въ концѣ 1859 года,—прежде такъ взволнованные столь несчастнымъ запрещеніемъ отправлять богослуженіе въ своей народной церкви, имѣли недавно самое большое торжество отеческаго къ нимъ вниманія іерарховъ греческихъ. Всѣ патріархи съ многочисленнымъ клиромъ присутствовали на ихъ народномъ торжествѣ, по случаю положенія перваго камня въ основаніе имѣющей созидаться церкви болгарской. Были ли отъ чистаго сердца рады тому (а должны быть) болгары, опредѣлить не легко; только то извѣстно, что они теперь мирствуютъ, и духовенство ихъ, поощренное обѣщаніемъ большой свободы въ отправленіи

---

[1]) Представленіе архим. Петра м. Григорію, 7 августа, 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20.

[2]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, послѣ 12 сент., 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 21. Ср. „Греко-болгарская распря" Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" февраль, 1886 г., стр. 527.

требъ у своихъ соотчичей, забыло, а вслѣдъ за нимъ и другіе забываютъ тѣ неистовыя ощущенія, которыя развиты въ нихъ неосторожнымъ запрещеніемъ. Дай Богъ, чтобы подобныя грустныя событія никогда не повторялись, если это возможно при безсмысленно дерзкомъ направленіи духа болгаръ! Весь дальнѣйшій ходъ ихъ мятежа и жалобъ по вышесказанному случаю прекращенъ окончательно стараніями многихъ, многихъ“ [1])...

VIII.

Въ нѣкоторой связи со смутами между константинопольскими болгарами изъ-за ἄρροστος-а стоятъ успѣхи католической пропаганды среди болгаръ, во второй половинѣ 1859 года, развивавшіеся параллельно съ этими смутами и въ значительной степени обусловливавшіеся ими.

Намъ извѣстно уже о силахъ и средствахъ католической пропаганды въ Турціи въ 50 годахъ нынѣшняго столѣтія. Однимъ изъ видныхъ ея представителей былъ папскій префектъ въ Константинополѣ лазаристъ Боре. Видя, какъ разгоралась греко-болгарская распря, онъ счелъ эту минуту удобною для пропаганды; съ другой стороны, французскій и австрійскій посланники считали эту пропаганду очень удобнымъ средствомъ для постояннаго вмѣшательства во внутреннія дѣла турецкой имперіи и противовѣсомъ вліянію Россіи на своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ. Было составлено цѣлое общество, найдены агенты, въ средствахъ недостатка не было; въ Бебекѣ, предмѣстьи Константинополя, открыто было католическое училище для болгаръ, потомъ въ Солоникахъ и т. д. [2]). Наибольшую энергію

---

[1]) Донесеніе архим. Петра м. Григорію, въ концѣ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 28 на об. и 29. О печатномъ текстѣ надписи на мѣдной доскѣ, положенной въ основаніе храма, см. „Извѣстія Церковно-археологическаго Общества“ за 1885 годъ стр. 38.

[2]) „Первый экзархъ болгарскій блаженный Антимъ“, Муромцовой, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, январь, 1886 г., стр. 316. Сн. „Русскій Вѣстникъ“, май, 1882 г., стр. 414.

развила эта пропаганда во время происходившихъ въ Константинополѣ смутъ между болгарами, и именно сначала въ самомъ Константинополѣ, а потомъ въ кукушской или поліанской епархіи, подвѣдомой солунскому митрополиту Неофиту.

Въ Константинополѣ однимъ изъ ярыхъ сторонниковъ католической пропаганды и наперстникомъ Боре является болгаринъ Драганъ Цанковъ, думавшій привлечь къ болгарамъ помощь и симпатію Европы религіозной уніей болгаръ съ Римомъ и редактировавшій въ Константинополѣ, съ марта 1859 года, газету „Болгарія“, въ которой онъ дѣлалъ ожесточенныя, злобныя нападки на православную церковь не только греческую, но и русскую [1]). Мы уже слышали, что во время столкновенія константинопольскихъ болгаръ съ патріархомъ изъ-за ἄρροστος-а они дозволили Цанкову печатать о греческой іерархіи все, что онъ можетъ. Вѣроятно, около этого времени, нѣсколько молодыхъ болгаръ, изъ числа преданныхъ Цанкову, подали Портѣ прошеніе о томъ, чтобы она предписала великой церкви дать имъ независимое церковно-народное управленіе и къ этому прошенію подписались сами и заставили также подписаться разныхъ рабочихъ и торговцевъ. Но главные эпитропы не подписали этого прошенія, а только увѣрили вышепомянутыхъ молодыхъ людей, что если Порта запроситъ ихъ, по какимъ причинамъ они не подписали сего прошенія, то они готовы отвѣчать въ такомъ смыслѣ, что доселѣ они неоднократно обращались къ Портѣ съ подобными

---

[1]) Тамъ же. Сн. черновыя бумаги архим. Петра, л. 29. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за май, 1882 г., несправедливо сказано, будто Цанковъ кончилъ курсъ въ Кіевской дух. Академіи: здѣсь онъ никогда не былъ. Въ спискѣ воспитанниковъ Кіевской Академіи (въ „Трудахъ“ сей Академіи за декабрь 1869 г.) значатся слѣдующіе болгарскіе воспитанники: іеромонахъ Наѳанаилъ Стояновичъ (окончилъ курсъ 1851 г.), Ѳеодоръ Стояновъ-Бурмовъ (1857 г.), іеродіаконъ Евѳимій Руссиковъ (1865), Ѳеофилъ Добрановичъ (1867), Димитрій Благоевъ и Василій Друмьевъ (1869) и Райча Королевъ.

просьбами, но, вмѣсто отвѣта, и по настоящее время остаются забытыми[1]). Мы не знаемъ дальнѣйшей судьбы этого прошенія, если только оно не есть то самое прошеніе, которое, по свидѣтельству архимандрита Петра, изготовлено было 31 іюля 1859 года и о которомъ мы говорили выше. Но во всякомъ случаѣ прошеніе приверженцевъ Цанкова, будучи тождественно или, по крайней мѣрѣ, сходно по содержанію съ прошеніемъ 31 іюля 1859 года, свидѣтельствовало о тогдашней солидарности стремленій обѣихъ партій константинопольскихъ болгаръ, т. е. православной и приверженной къ уніи. Но эта солидарность вскорѣ была разстроена усиліями русской миссіи въ Константинополѣ и преосвященнаго Иларіона макаріупольскаго,—и обѣ партіи пошли, послѣ этого, совершенно противоположными путями. По сообщенію архимандрита Петра отъ 7 августа, 1859 года, „на этой недѣлѣ болгары собирали подписку съ рукоприкладствомъ, чтобъ никто не смѣлъ поддерживать типографщика Цанкова, поистинѣ злодѣйствующаго для церкви православной и мятущаго духъ народный. А кто этотъ Цанковъ? Самъ по себѣ человѣкъ ограниченный, пустой и злобный, но наперстникъ Боре и уста іезуитовъ монастыря Санъ-Бенедетто“ [2]). Въ другомъ донесеніи своемъ послѣ 12 сентября 1859 года, архимандритъ Петръ писалъ слѣдующее: „Не безъ борьбы, но почти общими силами болгары возстали противъ Цанкова (здѣсь исключительно надобно отдать честь преосвященному Иларіону, окончательно склонившемуся на то вслѣдствіе усиленныхъ моихъ убѣжденій и, частію, обличеній) и сначала на общемъ собраніи рѣшили отказаться отъ полученія журнала, а послѣ (теперь) начали изобрѣтать средства отнять самую типографію у Цанкова. Послѣднее не легко, потому что типографія состоитъ подъ сильнымъ, хотя косвеннымъ и небезцѣльнымъ покро-

---

[1]) Записка объ этомъ, безъ подписи и даты,—въ бумагахъ архим. Петра.

[2]) Въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 20.

вительствомъ французскаго посольства. Но такъ какъ Цанковъ долженъ много денегъ нѣкоторымъ эпитропамъ болгарскимъ, то они и думаютъ отобрать у него типографію, если удастся, въ погашеніе долга. Вслѣдствіе этого Цанковъ внѣ себя отъ злости, и въ этомъ чувствѣ, увлекши за собой нѣсколько молодыхъ болгаръ, воспитанныхъ не въ правилахъ родной вѣры и отечества, рѣшается, какъ я на это имѣю секретный документъ, торжественно представить папѣ исповѣданіе вѣры, просить отъ него епископовъ для Болгаріи и ходатайствовать предъ его папскимъ велич., чрезъ императора Наполеона, о такихъ сношеніяхъ съ Турціею, чтобы никакое посольство не смѣло противодѣйствовать инструкціямъ его святѣйшества“ [1]). „Но буйный порывъ его (Цанкова) обратиться къ папѣ съ приготовленнымъ исповѣданіемъ вѣры,—писалъ архимандритъ въ декабрѣ 1859 года,—доселѣ задерживается какъ разстройствомъ его партіи, озлобленной противъ грековъ клеветами папистовъ и безнравственнымъ европейскимъ воспитаніемъ, такъ и стараніями людей благонамѣренныхъ. Не смотря на это, газета его *Болгарія* опасна для православія. И убитая въ Константинополѣ (а къ этому приняты всѣ возможныя мѣры, именно: противъ нея пишетъ и редакторъ Цареградскаго Вѣстника Александръ Екзархъ, и редакторъ Книжицъ

---

[1]) Донесеніе оберъ-прокурору Св. Синода, графу А. П. Толстому, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 1. Въ бумагахъ архим. Петра сохранился и тотъ „секретный документъ“, на который онъ ссылается. По сообщенію этого документа, Цанковъ, съ нѣсколькими приверженцами своими, написалъ прошеніе къ папѣ о томъ, чтобы или посланы были для Болгаріи католическіе епископы, или же назначены были изъ болгаръ подъ покровительствомъ папы, и чтобы эти епископы наблюдали за всѣми училищами и вмѣстѣ съ тѣмъ за православіемъ (?) всего народа. Кромѣ того, въ томъ же прошеніи Цанковъ просилъ ходатайства папы предъ Наполеономъ III о томъ, чтобы этотъ послѣдній приказалъ своему посольству въ Константинополѣ защищать настоящее дѣйствіе ихъ отъ вмѣшательства другихъ государствъ и оказывать покровительство и помощь при всѣхъ препятствіяхъ, какія бы могли встрѣтиться ихъ желанію. Но прошеніе это не было тотчасъ отправлено, такъ какъ компанія эта раздѣлилась на двѣ партіи, и передано было „извѣстному лицу“ (?).

Болгарскихъ Кристичъ, и особенно съ усердіемъ и мѣткостію магистръ Ѳеодоръ Стояновъ, при возможномъ содѣйствіи съ моей стороны и совѣтами и нужными источниками для опроверженія дерзкихъ глумленій противъ церкви православной), она все еще можетъ вредоносно дѣйствовать въ болгарскихъ селеніяхъ, при необразованности духовенства и народа и при неимовѣрно развившейся въ Болгаріи пропагандѣ католической и протестантской. Между тѣмъ, сколько я могу замѣчать, всѣ попытки болгаръ стамбульскихъ къ прекращенію этого журнала оказываются довольно безсильными противу покровительства ему посольства французскаго, всемощнаго у насъ въ Стамбулѣ, можетъ быть только по немощи или беззаботности другихъ. Слѣдовательно, газетѣ *Болгарія* суждено, такъ сказать, падать въ самой себѣ по безсилію неправды. Но такъ упадая, она въ бѣшеной злости своей начинаетъ лить ядъ свой на другихъ, тонко чувствуя, откуда начинаются ея пораженія. А потому къ прямымъ своимъ нападеніямъ на православную церковь восточную начинаетъ всюду примѣшивать гнусную ложь и дерзости противу московитовъ. Такъ, позорно онъ отзывается о св. Синодѣ и, между прочими клеветами, о нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ будто бы о наукахъ богословскихъ и понятія не имѣютъ".

„Но не такая—было туча,—продолжаетъ архимандритъ Петръ,—въ сентябрѣ собралась надъ горизонтомъ церкви греческой. Епархія кубушская (греч. Πολιάνεις), состоящая изъ 30-ти тысячъ душъ православнаго исповѣданія, вся, по газетамъ французскимъ и греческимъ, обратилась въ католичество" [1]). По донесеніямъ архимандрита Петра, дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Въ этой епархіи былъ доселѣ недостойный архіерей, который если и держался на мѣстѣ, то вліяніемъ логоѳета, брата его, и послѣ пасхи съ

[1]) Донесеніе архим. Петра м. Григорію въ декабрѣ 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 29.

безчестьемъ лишенъ каѳедры. По низложеніи патріархомъ этого недостойнаго епископа, кукушане вознамѣрились просить въ пастыри сиротствующей своей епархіи архимандрита Парѳенія, имъ давно извѣстнаго и любимаго. Нѣсколько разъ убѣдительно просилъ объ этомъ патріарха и архимандритъ Петръ. „Его святѣйшество, писалъ архимандритъ Петръ,—всегда изъявляя полное согласіе на то, отсылалъ меня къ *кириарху*. Такъ называются тѣ митрополиты, въ вѣдѣніи коихъ есть подчиненные имъ епископы. Кириархъ, митрополитъ солунскій, повторялъ мнѣ только одно, что мѣсто еще не праздно и архіерей не низложенъ. Я на это возражалъ ему, что его святѣйшество считаетъ это дѣло конченнымъ и совершенно согласенъ на опредѣленіе туда пастыремъ архимандрита Парѳенія. На это его высокопреосвященство обыкновенно отвѣчалъ, что если бы патріархъ желалъ Парѳенія поставить епископомъ, то онъ и прежде могъ бы это сдѣлать, но не дѣлалъ... И это длилось болѣе мѣсяца“. Митрополитъ солунскій послалъ къ кукушанамъ епископа плотамосскаго. „Кукушане его не приняли,—и старѣйшины ихъ, оскорбленные, по ихъ понятіямъ, такою невнимательностію духовнаго начальства къ ихъ просьбамъ, въ существѣ дѣла довольно нахальнымъ, и давно подущаемые къ наглостямъ противъ великой церкви другими..., рѣшились обратиться къ французскому консулу Солуня съ изъявленіемъ готовности подчиниться папѣ и вступить въ единеніе съ западною церковію“. Планъ этотъ созрѣлъ у нихъ еще въ іюнѣ 1859 года, но приведенъ въ исполненіе лишь въ сентябрѣ того же года. Французскій консулъ послалъ въ Кукушъ настоятеля солунской католической общины Тюрока и извѣстилъ Боре. Тюрокъ прежде всего склонилъ къ подписи на унію трехъ священниковъ, давши напередъ каждому изъ нихъ по 1500 піастровъ; изъ жителей же подписались на присоединеніе къ папѣ только 54 почетнѣйшія семейства, и притомъ будто бы согласились только на признаніе главенства папы и подчиненія ему въ

смыслѣ политическомъ, а не іерархическомъ, и отнюдь не думали перемѣнять своихъ догматовъ и обрядовъ. Съ своей стороны Боре, начальникъ лазаристовъ и ректоръ Бебекскаго училища въ Константинополѣ, получивъ увѣдомленіе солунскаго французскаго консула, „нанялъ нарочно корабль и, напутствуемый фирманомъ, равно какъ и сопровождаемый свитой fra Jesu и, неизбѣжно, сестрами милосердія (такъ онъ всегда ѣздитъ), отправился въ Солунь".

„Патріархія испугалась и унылa". Какъ только разнеслась вѣсть объ отпаденіи кукушанъ въ унію, „въ тотъ же день съ торопливостью и безпокойствомъ,—писалъ архимандритъ Петръ,—нарочито пріѣзжаетъ изъ Фанара одинъ знакомый, котораго мнѣній слушается его святѣйшество, за совѣтами, какъ поступить патріарху въ вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ. Подъ удручающимъ впечатлѣніемъ я могъ только посовѣтовать послать на мѣсто преосвященнаго Иларіона съ кѣмъ-либо изъ старцевъ аѳонскаго Зографскаго (болгарскаго) монастыря и обѣщать кукушанамъ совершенное удовлетвореніе всѣхъ законныхъ и даже, по времени, простительныхъ требованій". Патріархъ вселенскій, по совѣщаніи съ синодомъ, рѣшился принять „сказанную мѣру, т. е. послать преосвященнаго Иларіона, обѣщая чрезъ него, если совращающіеся раскаются, исполненіе требованій епархіотовъ". Преосвященный Иларіонъ макаріупольскій отправился туда 12 сентября, а вслѣдъ за тѣмъ отправился на Аѳонъ, по тому же дѣлу, и архимандритъ Петръ. Кукушанамъ данъ былъ въ епископы Парѳеній,—и „все въ епархіи успокоилось и пришло въ прежній чинъ и порядокъ" [1]).

Нельзя однако же не признать, что этотъ прискорбный инцидентъ, окончившійся торжествомъ кукушскихъ болгаръ, не могъ не подѣйствовать возбуждающимъ образомъ на ихъ

---

[1]) Донесенія архимандрита Петра оберъ-прокурору Св. Синода, послѣ 12 сентября и митрополиту Григорію, въ декабрѣ 1859 года, въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 23, 24, 29 и 30. Парѳеній рукоположенъ былъ въ октябрѣ 1859 года.

соотечественниковъ и не заставилъ ихъ добиваться назначенія своихъ архіереевъ и на другія болгарскія епархіи и возстановленія особой болгарской іерархіи. По крайней мѣрѣ, послѣ кукушской исторіи, является цѣлый рядъ попытокъ со стороны болгаръ избавить какимъ-либо способомъ болгарскія епархіи отъ греческихъ іерарховъ и замѣнить ихъ болгарскими. Въ декабрѣ того же 1859 года умеръ охридскій митрополитъ Іоанникій, и охридяне просили патріархію назначить на вакантную каѳедру одного изъ трехъ духовныхъ лицъ, признанныхъ епархіей достойными занимать это мѣсто. Но патріархъ нашелъ болѣе удобнымъ, не обращая вниманія на ходатайство охридянъ, назначить митрополитомъ охридскимъ Мелетія велесскаго, ненавидимаго за свою жадность и жестокость. Охридяне выгнали Мелетія изъ города и отказались поминать имя патріарха на литургіи [1]). Въ это же самое время жители самоковской и преславской епархій неоднократно просили патріархію о смѣненіи ихъ архіереевъ, будто бы опозорившихъ своими дѣйствіями всю церковь; но патріархія оставляла эти просьбы безъ вниманія. Въ концѣ концовъ патріархія рѣшилась вызвать въ Константинополь самоковскаго митрополита Матѳея, но, оставивъ за нимъ епархію, послала въ Самоковъ для управленія ею въ качествѣ викарія нѣкоего Паисія, занимавшаго предъ тѣмъ должность діакона при болгарской церкви въ Константинополѣ и будто бы прогнаннаго оттуда за безнравственное поведеніе [2]).

Не ограничиваясь просьбами къ патріарху, болгары разныхъ епархій обращались со своими требованіями относительно назначенія имъ архіереевъ изъ болгаръ и возста-

---

[1]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за май, 1882 г., стр. 411 и сл.; Сн. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, тамъ же, февраль, 1886 г., стр. 543.

[2]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, февраль, 1886 г., стр. 543.

новленія болгарской іерархіи и къ Портѣ, и къ церковно-народному собранію, хотя и не имѣли успѣха.

IX.

Въ своемъ обзорѣ дѣятельности церковно-народнаго собранія мы остановились на томъ пунктѣ, когда въ іюнѣ 1859 года, въ средѣ этого собранія возникъ внутреній раздоръ, обнаружившійся въ стремленіи свѣтскихъ членовъ собранія устранить патріарха отъ предсѣдательствованія въ этомъ собраніи, въ высылкѣ геронтовъ изъ Константинополя и въ непріязненномъ столкновеніи патріарха съ солунскимъ митрополитомъ Неофитомъ. А эти обстоятельства, конечно, не могли содѣйствовать поддержанію и увеличенію авторитета собранія. „Между пастырями (церкви),—писалъ архимандритъ Петръ,—болѣе и болѣе возрастаетъ вопросъ,—согласны ли рѣшенія синелевсиса съ канонами церкви. Одни говорятъ положительно, другіе строго отрицаютъ. Въ это положеніе великой церкви съ заботливымъ участіемъ входитъ и церковъ Еллады. Въ газетахъ аѳинскихъ начинаютъ появляться статьи не въ духѣ синелевсиса“. Разработывалась въ политическихъ сферахъ Еллады мысль о томъ, „что для окончательнаго утвержденія опредѣленій синелевсиса непремѣнно долженъ быть созванъ помѣстный соборъ“. Къ этому присоединился еще заговоръ нѣкоторыхъ турокъ противъ султана за введеніе имъ гаттигумаюна, во исполненіе котораго созвано было церковно-народное собраніе,—заговоръ, задуманный на 3 или 4 сентября 1859 года [1]). Съ своей стороны и болгары уже не

---

[1]) Донесеніе архим. Петра оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому, послѣ 12 сент., 1859 г., въ черновыхъ бумагахъ архим. Петра, л. 21 и 22. „Сентября 4 дня,—писалъ архим. Петръ,—Константинополь долженъ бы былъ видѣть ужасающее, давно въ немъ невиданное зрѣлище, если бъ Господь попустилъ злодѣямъ привести въ исполненіе свой замыселъ. Ночью 3-го числа (а нѣкоторые говорятъ—утромъ 4-го) султану открытъ былъ однимъ изъ пашей (участвовавшимъ) заговоръ, цѣлію котораго было умертвить въ мечети (4-е было

такъ довѣрчиво и почтительно начинаютъ относиться къ церковно-народному собранію, какъ прежде, протестуютъ противъ его постановленій и жалуются на него султану.

Въ сентябрѣ 1859 года народный совѣтъ продолжалъ свои засѣданія и, рѣшивъ дѣло о жалованьи архіереямъ, занялся изысканіемъ средствъ, откуда и какимъ образомъ получить сумму на оное. „Послѣ того не мало придется ему,—предполагалъ архимандритъ Петръ,—заниматься церковными дѣлами Болгаріи“ [1]). Но на самомъ дѣлѣ народный совѣтъ едва ли имѣлъ такое намѣреніе. Мы видѣли выше, что константинопольскіе болгары въ сентябрѣ 1859 года подали Портѣ прошеніе о дарованіи болгарскому народу такихъ же правъ, какими пользуются прочіе христіанскіе народы имперіи, и что Порта передала это прошеніе церковно-народному собранію; но послѣднее, кажется, вовсе не разсматривало этой просьбы, а между тѣмъ занятія его приходили къ концу. Поэтому съ декабря 1859 начинается цѣлый рядъ протестовъ болгаръ уже противъ самого народнаго собранія и его постановленій. „Прежде всѣхъ принесли жалобу на собраніе филиппопольскіе болгары. Прошенія,

---

въ пятницу) его величество и погубить все его (собственно) семейство. Участниками заговора были нѣкоторые паши, улемы и софты (ученые при мечетяхъ), артиллерія и вся разноплеменная..., поляки, нѣмцы, венгры и др., служившіе прежде въ войскахъ, но, по отставкѣ или исключенію изъ службы, прожившіеся и изголодавшіе. Причинами заговора, какъ слышно, злоумышленники поставляютъ то, что султанъ погубилъ духъ народный и народную l'industrie (англичане и французы завладѣли торговлею и промыслами), что онъ *гяуръ* и настаиваетъ на введеніе *гатти гумаюна*. Слѣдствіемъ заговора, вѣрнѣе, полагаютъ династическую реформу и возведеніе на тронъ султанскаго брата Ацака, отъявленнаго фанатика и любимца изувѣрной толпы; но къ этому бы неизбѣжно прибавилась страшная рѣзня христіанъ и всеродныя имъ поруганія, хотя и найдены, какъ я слышалъ, бумаги у заговорщиковъ, въ которыхъ объявляется неприкосновенность христіанъ, лишь бы только европейскія державы не вмѣшивались въ домашнее устроеніе обдуманнаго заговорщиками образа управленія. Комиссія, назначенная для изслѣдованія этого дѣла, обѣщаетъ впослѣдствіи раскрыть его со всею подробностію, а теперь,—говорятъ,—безъ жалости топитъ въ Босфорѣ виновныхъ и отыскиваетъ таковыхъ по провинціямъ“.

[1]) Донесеніе архим. Петра въ его черновыхъ бумагахъ, л. 21 и 22.

адресованныя ими Высокой Портѣ и патріарху, были сообщены собранію въ засѣданіи 4 декабря 1859 года. Вслѣдъ за филиппопольскими болгарами протестовали противъ направленія собранія соплеменники ихъ изъ Тырнова, Шумлы, Ески-Загры, Казанлыка и проч. Протестъ изъ Тырнова былъ сообщенъ собранію лично тырновскимъ представителемъ Николаемъ Минчоглу. Въ своихъ протестахъ болгары ставили на видъ Портѣ и патріарху, что болгарскій народъ былъ представляемъ въ собраніи весьма неравномѣрно съ его численностію, а именно лишь тремя голосами; что собраніе, отвергнувъ ихъ просьбу объ израніи архіереевъ епархіями и не постановивъ, чтобы въ болгарскія епархіи были посылаемы архіереями лица болгарскаго происхожденія, обнаружило свою несправедливость и пристрастіе, и что греки устраиваютъ дѣла такъ, чтобы болгарскій народъ находился и на будущее время въ подчиненіи греческому. Тырновскій представитель, сообщая протестъ представляемыхъ имъ жителей, присовокупилъ, что болгары чувствуютъ себя весьма обиженными великою церковію, упразднившею тырновскую патріархію и охридскую автокефальную архіепископію, и горько жалуются, что греческіе архіереи преслѣдуютъ славяно-болгарскій языкъ и навязываютъ имъ греческій. Онъ заявилъ еще, что болгарскій народъ не приметъ на себя обязательства участвовать въ уплатѣ долговъ патріархіи, прежде чѣмъ будетъ точно опредѣлена цифра ихъ и прежде чѣмъ будетъ доказано, что они были сдѣланы для пользы православныхъ христіанъ, подвѣдомыхъ вселенскому престолу [1]). Вѣроятно, объ этомъ же протестѣ тырновскихъ болгаръ сообщалъ архимандритъ Петръ въ донесеніи своемъ с.-петербургскому митрополиту

[1]) „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за февраль, 1886 года, стр. 516—517. Протестъ былъ заявленъ тырновскимъ представителемъ 15 января 1860 года. Содержаніе его см. въ брошюрѣ Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій и греко-болгарская распря“, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 18 и 19.

Григорію отъ 9 февраля 1860 года, относя этотъ протестъ, или повтореніе его, къ послѣднему засѣданію собранія. „Въ послѣднее засѣданіе народнаго совѣта,—говоритъ онъ,—поданъ также новый протестъ терновскихъ болгаръ, которымъ они требуютъ народу исключительнаго права на избраніе архіереевъ для епархій, въ коихъ больше болгаръ, чѣмъ грековъ. Протестъ этотъ отвергнутъ единогласно всѣмъ синелевсисомъ; за то представитель терновскій въ синелевсисѣ не согласился подписывать статью объ уплатѣ общественнаго долга на счетъ мірянъ“ [1]). Сильное вліяніе на отрицательное рѣшеніе болгарскаго вопроса синелевсисомъ имѣла рѣчь члена его, доктора Каратеодори, презрительно отвергавшаго всѣ требованія болгаръ, при чемъ авторъ прибавилъ, что болгары ошибаются если думаютъ, что въ собраніи представителей греческихъ когда-нибудь могутъ быть выслушиваемы рѣчи о правахъ націи болгарской [2]).

Засѣданія народнаго совѣта окончились $^{5}/_{16}$ марта 1860 года; но при завершеніи рукоприкладствомъ рѣшеній совѣта случилось довольно важное обстоятельство, ослаблявшее ихъ значеніе и силу. „Три духовныхъ члена этого совѣта,—писалъ архимандритъ Петръ,—и именно митрополиты адріанопольскій, силиврійскій и димитріадскій не соблаговолили подписаться, какъ несогласные съ опредѣленіями совѣта. На время вышедши изъ собранія, они, по возвращеніи своемъ, подали его святѣйшеству бумагу, за подписомъ шести митрополитовъ (т. е. ихъ трехъ и еще троихъ другихъ, не участвовавшихъ въ совѣтѣ), въ которой ясно изъявляютъ свое несогласіе съ опредѣленіями совѣта, какъ противными канонамъ церкви, и просятъ, чтобы все доселѣ рѣшенное было пересмотрѣно и точнѣе изслѣдовано всѣми

[1]) Въ бумагахъ м. Григорія, № 92.

[2]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за май, 1882 г., стр. 411. На рѣчь Каратеодори болгары не замедлили отвѣтить брошюрой, подъ заглавіемъ „Отвѣтъ на слова господина С. Каратеодори“. См. „Греко-болгарская распря“ Ѳ. Стоянова-Бурмова, въ томъ же журналѣ, за февраль, 1886 года, стр. 519.

патріархами (ихъ въ Константинополѣ въ настоящее время 7; отъ одного изъ нихъ я прежде слышалъ подобное желаніе) и другими образованнѣйшими и благочестивѣйшими пастырями церкви. Его святѣйшество, патріархъ вселенскій, находясь, какъ кажется, доселѣ подъ обаяніемъ сладкогласія свѣтскихъ, очень этимъ встревожился и потомъ сдѣлалъ распоряженія, отзывающіяся насиліемъ, приказавъ вышеозначеннымъ митрополитамъ удалиться въ свои епархіи. Оставивши собраніе, митрополиты сіи прямо отправились въ Порту и тамъ, объяснивъ обстоятельства, открыли и свое желаніе. Не извѣстно еще, какой оборотъ приметъ это дѣло. Члены подписавшіеся желаютъ немедленно представить труды свои Портѣ; но недовольные рѣшеніями синелевсиса владыки, кажется, подадутъ отчетливый протестъ на основаніи тѣхъ *замѣчаній*, которыя были у меня въ рукахъ, но которыя очень скоро потребованы отъ меня авторомъ для цѣлей, мнѣ не объясненныхъ“ [1]). Конечно, протестовавшіе митрополиты, какъ греки, нисколько не думали защищать болгарскаго дѣла; но ихъ протестъ, подрывая значеніе рѣшеній собранія въ самомъ ихъ корнѣ, могъ оказать косвенную услугу и болгарамъ и прокладывалъ путь и болгарскимъ протестамъ противъ этихъ рѣшеній. Протесты эти, дѣйствительно, не замедлили появиться вскорѣ по окончаніи занятій народнаго собранія и имѣли въ виду предупредить утвержденіе рѣшеній собранія султаномъ.

X.

Нельзя сказать, чтобы усилія болгаръ имѣть своихъ архіереевъ оставались безуспѣшными. Во время засѣданій церковно-народнаго собранія они успѣли пріобрѣсти себѣ, разными способами, четырехъ архіереевъ изъ своихъ соотечественниковъ, именно: Авксентія велесскаго, Иларіона мака-

[1]) Донесеніе архим. Петра м. Григорію, отъ 9 марта, 1860 г., въ бумагахъ послѣдняго, № 92.

ріупольскаго, Парѳенія поліанскаго и Паисія, викарія самоковскаго. Но этотъ успѣхъ ободрилъ ихъ еще болѣе и побудилъ ихъ теперь, по окончаніи засѣданій народнаго собранія, домогаться образованія особой болгарской іерархіи. „Нельзя не замѣчать,—говоритъ архимандритъ Петръ,—что болгары слишкомъ ободрены обстоятельствами: четыре (Паисій, новый епископъ болгарскій, рукоположенъ на днихъ) архіерея въ одинъ годъ,—и не умѣютъ устоять на пути умѣренности и справедливости“ [1]). Въ концѣ марта 1860 года они подали Высокой Портѣ слѣдующеее прошеніе: „Греческое духовенство не только не признаетъ болгарскаго народа равнымъ съ греческимъ, но и стремится совершенно изгладить имя его. Зная, что образъ дѣйствій сего духовенства въ отношеніи къ нашему народу, вполнѣ осуждаемый христіанскою вѣрой, несогласенъ также съ волей его величества, мы просили, назадъ тому три года, правительство Высокой Порты оказать намъ свое покровительство противъ чинимой намъ несправедливости. Вслѣдствіе сего Высокая Порта распорядилась, чтобы созвано было въ патріархіи особое собраніе для обсужденія мѣръ къ уврачеванію зла. Хотя большинство членовъ этого собранія было составлено изъ грековъ, ибо епархіи, населенныя болгарами, были представляемы лишь тремя лицами, а болгары, живущіе въ столицѣ, не смотря на то, что они превосходятъ своимъ числомъ находящихся въ оной грековъ, подданныхъ имперіи, не имѣли въ немъ своего представителя, мы надѣялись однако, что собраніе будетъ руководиться справедливостью въ своихъ постановленіяхъ и сдѣлаетъ, что̀ нужно, для поправленія дѣлъ. Но вышло иначе. Греки разсчитали все такъ, чтобы болгарскій народъ находился на будущее время въ ихъ подчиненіи. Кромѣ сего, они распорядились, чтобы прежнія добровольныя подаянія въ пользу архіереевъ обратились въ обязательныя и дава-

[1]) Въ бумагахъ архим. Петра, № 92.

лись имъ какъ жалованье, равно чтобы долгъ патріархіи, который восходитъ до семи милліоновъ грошей, былъ уплаченъ всѣмъ православнымъ населеніемъ, зависящимъ отъ вселенскаго патріарха, хотя уплата сего долга должна быть возложена на однихъ грековъ, ибо займы были заключены для исполненія ихъ проэктовъ. Такъ какъ всѣ эти несправедливости дѣлаются намъ греческимъ духовенствомъ подъ прикрытіемъ религіи и вопреки духу оной, то мы не можемъ имѣть въ будущемъ ничего общаго съ нимъ, а тѣмъ болѣе находиться подъ его властью. Мы просимъ, поэтому, правительство его величества даровать намъ право, которымъ пользуются прочіе народы въ имперіи, установить независимое отъ грековъ управленіе нашими церковными дѣлами; ибо, имѣя своихъ епископовъ, своихъ священниковъ и свои церкви, мы не нуждаемся въ греческихъ архіереяхъ. Симъ способомъ мы будемъ имѣть возможность возложить заботу о нашихъ церковныхъ дѣлахъ и нуждахъ на людей способныхъ, добросовѣстныхъ и знающихъ нашъ языкъ, равно какъ и избавиться отъ угнетеній и интригъ греческаго духовенства", и проч.[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по окончаніи засѣданій церковно-народнаго собранія, и извѣстный уже намъ Цанковъ возобновилъ свою попытку образовать особую болгарскую іерархію путемъ принятія уніи съ Римомъ и подчиненія папѣ и на этотъ разъ имѣлъ успѣхъ, хотя самый кратковременный. По прошенію сторонниковъ Цанкова и при содѣйствіи Боре, папа дѣйствительно образовалъ болгаро-уніатскую церковь съ нѣсколькими священниками и епископомъ Іосифомъ изъ болгаръ, но она распалась немедленно по своемъ образованіи. „Здѣшняя болгаро-уніатская церковь,—писалъ іеромонахъ Гавріилъ 24 іюня, 1861 года, архимандриту Петру въ Аѳины,—въ созиданіи которой онъ (Цанковъ)

[1]) „Греко-болгарская распря" Ѳ. Столнова-Бурмова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", февраль, 1886 г, стр. 520—521.

былъ столь усердным рабочимъ, уже распалась прежде, чѣмъ успѣла организоваться правильнымъ образомъ. Два уніатскіе священника возвратились въ патріархію съ чувствомъ раскаянія. Епископъ Іосифъ, недавно рукоположенный въ Римѣ, куда возилъ его Боре, въ началѣ іюня явился въ наше посольство на другой день по полученіи изъ Порты берата, который давалъ ему титулъ архіепископа всей Болгаріи и всѣ права, съ нимъ соединенныя. Онъ просилъ у посланника позволенія и средствъ поѣхать въ Россію, и просьба его немедлено была исполнена среди общаго изумленія и радости русскихъ [1]). Архимандритъ Макарій, единственный человѣкъ, на котораго могли разсчитывать іезуиты, тоже, говорятъ, перешелъ въ болгарскую православную церковь. Такъ Боре опять обжегся, потерпѣвъ новое пораженіе въ суетномъ и даже преступномъ нападеніи своемъ на Восточную Церковь"... Послѣ этого „даже Цанковъ замолкъ—было на нѣкоторое время. Впрочемъ, его крики, эти крики капризнаго и злаго ребенка, сколько суетны, столько же безполезны" [2]).

Въ виду усиливавшагося возбужденія болгаръ и съ цѣлію удовлетворить сколько нибудь одушевлявшему ихъ чувству ненависти къ греческому духовенству и въ то же время чтобъ удержать болгаръ отъ перехода въ унію, тогда только еще затѣвавшуюся, болгарскіе епископы Иларіонъ и Авксентій сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ мѣрѣ крайней. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, 3 апрѣля, 1860 года, когда Иларіонъ совершалъ торжественное богослуженіе въ константинопольской болгарской церкви, онъ уступилъ шумнымъ крикамъ во множествѣ собравшагося въ церковь на-

[1]) Онъ помѣщенъ былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и здѣсь скончался, предварительно оказавъ русскому правительству услугу посвященіемъ уніатскихъ священниковъ для Холмской Руси во время натянутыхъ отношеній русскаго правительства къ папѣ.—Но унія болгаръ съ католическою церковію провозглашена еще въ декабрѣ 1860 года. См. брошюру Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря", С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 25.

[2]) Въ бумагахъ архим. Петра.

рода и отмѣнилъ поминовеніе на литургіи патріаршаго имени, вмѣсто котораго сталъ поминать „всякое епископство православныхъ“. Лишь только вѣсть объ этомъ распространилась по Болгаріи, 33 города и мѣстечка прислали Иларіону благодарственные адресы и присоединились къ принятой имъ мѣрѣ; константинопольскіе уніаты толпами стали возвращаться въ православіе. Считая виновниками всего случившагося Авксентія и Иларіона, патріархъ осудилъ ихъ обоихъ и лишилъ архіерейства и священства [1]). Это было на мѣстномъ соборѣ 24 февраля 1861 года. „Великая церковь,— писалъ по этому поводу 26 апрѣля 1861 года іеромонахъ Гавріилъ архимандриту Петру,—созваніемъ собора (24 февраля) начала открывать и наступательныя дѣйствія свои противъ движенія болгаръ съ свойственною ей энергіей; но встрѣтила со стороны ихъ сильное сопротивленіе,—и какая мрачная была картина! Вообразите гнѣвъ и досаду низложенныхъ епископовъ, громко вопіющихъ противъ несправедливости соборнаго суда, горячее ожесточеніе многочисленной партіи ихъ, раздраженіе грековъ, негодованіе великой церкви, глумленіе неправославнаго міра, тонкую хитрость здѣшняго правительства, которое старается въ одно и то же время угодить и грекамъ и болгарамъ. Такъ больно и грустно было въ сердцѣ при видѣ этой печальной картины разложенія церкви.—Иларіонъ въ первое воскресенье послѣ низложенія своего священнодѣйствовалъ литургію къ соблазну католиковъ, которые громко кричали противъ незаконности его священнодѣйствія, но потомъ струсилъ и, боясь преслѣдованія власти, готовившей ему изгнаніе, онъ долго скрывался въ частныхъ домахъ. Наконецъ на страстной седмицѣ онъ опять пришелъ домой и, съ разрѣшенія султана, служилъ вмѣстѣ съ Авксентіемъ литур

---

[1]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“ Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, за май, 1882 г., стр. 411—417. Объясненіе преосвящ. Иларіона см. въ брошюрѣ Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря“. С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 20 и 21.

гію въ первый день Пасхи подъ прикрытіемъ солдатъ, которые окружили церковь для предотвращенія возможныхъ дракъ и рѣзни. Смѣшно и грустно при воспоминаніи объ этомъ событіи“ [1]). По настоянію патріархіи, Иларіонъ и Авксентій были арестованы, по распоряженію Порты, и отправлены въ ссылку въ Малую Азію [2]).

Но „ссылкою Иларіона и Авксентія [3]) болгарскій вопросъ далеко не конченъ,—писалъ 24 іюня 1861 года іеромонахъ Гавріилъ архимандриту Петру. Теперь происходятъ здѣсь совѣщанія о болгарскомъ дѣлѣ, въ которыхъ принимаютъ участіе прибывшіе сюда уполномоченные отъ всѣхъ болгарскихъ епархій. Сужденія болгаръ принимаютъ характеръ болѣе спокойный и рѣшительный. Литературная брань ихъ съ греками менѣе слышна“ [4]). Въ это время болгары выработали и представили патріарху и Портѣ слѣдующіе 8 пунктовъ своихъ требованій: 1) въ избраніи патріарха болгары имѣютъ право участвовать наравнѣ съ греками; 2) члены патріаршаго синода состоятъ на половину изъ грековъ, на половину изъ болгаръ; 3) болгарскіе архіереи (6) составляютъ съ шестью мірянами болгарскій народный совѣтъ, вѣдающій всѣ дѣла болгарскаго народа, не касающіяся религіи; 4) достойнѣйшій изъ архіереевъ съ выборнымъ мірянином пребываютъ въ Константинополѣ и представляютъ предъ правительствомъ болгарскій народъ; 5) смѣна этихъ двухъ лицъ не зависитъ отъ патріарха, а въ случаѣ обвиненія ихъ народнымъ собраніемъ дѣлается

---

[1]) Въ бумагахъ архим. Петра.

[2]) „Греко болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ“, Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, май, 1882 г., стр. 418.

[3]) Авксентій умеръ въ февралѣ, 1865 г., не захотѣвъ принять разрѣшеніе наложенной на него клятвы, посланное ему патріархомъ вслѣдствіе настоянія русскаго посла (тамъ же, стр. 421). Поэтому онъ погребенъ былъ священническимъ чиномъ. Участвовавшимъ въ погребальной процессіи раздавались литографическія изображенія похоронъ преосвященнаго Авксентія. Одинъ экземпляръ такого изображенія находится въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи. См. „Труды“ сей Академіи за декабрь 1885 года, стр. 723.

[4]) Въ бумагахъ архимандрита Петра.

Портой; 6) для замѣщенія каѳедръ выбираются епархіей два кандидата: одинъ изъ нихъ избирается болгарскимъ народнымъ совѣтомъ и рукополагается патріархомъ; 7) въ смѣшанныхъ епархіяхъ архіерей выбирается изъ того народа, который многочисленнѣе, но онъ долженъ основательно знать оба языка, греческій и болгарскій, и строго блюсти, чтобы никакого препятствія не было селянамъ употреблять въ церквахъ и училищахъ свой народный языкъ, и 8) архіереямъ назначается жалованье[1]).

Изложеніе дальнѣйшаго хода греко-болгарской распри не входитъ въ нашу задачу. Мы укажемъ только важнѣйшіе моменты и результаты этой распри. Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ,—говоритъ г. Тепловъ,—обѣ стороны убѣдились въ необходимости покончить споръ, но не были въ силахъ ограничить и видоизмѣнить свои требованія настолько, чтобы придти къ возможности соглашенія. Съ одной стороны сильное, хотя и не всегда высказываемое прямо стремленіе болгаръ къ достиженію самостоятельности, а съ другой—упорная рѣшимость грековъ удержать свое первенство создаютъ тысячи затрудненій, которыя, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, обращаются въ неодолимыя препятствія". Собравшись въ Константинополь на общее совѣщаніе, болгарскіе архіереи заявляютъ, что они считаютъ невозможнымъ установить какія-либо соглашенія съ патріархомъ, а потому они—епископы удаляются отъ служенія константинопольскому престолу, возвращаясь въ болгарскую древнюю автокефальную церковь, которая была, есть и будетъ вѣчно въ духовномъ единеніи съ Великою Церковію. По просьбѣ ихъ, Порта дала свое согласіе на дарованіе болгарской церкви независимаго автокефальнаго устройства,—и 28 февраля 1870 года болгарскіе выборные получили фирманъ, допускающій само-

---

[1]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ" Теплова, въ „Русскомъ Вѣстникѣ", май, 1882 г., стр. 417.

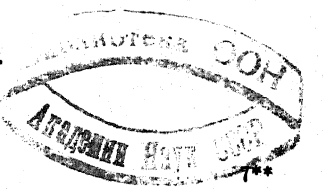
стоятельность ихъ церкви. Во главѣ управленія этого новаго независимаго отъ Константинополя округа поставленъ экзархъ со своимъ синодомъ, избираемый этимъ послѣднимъ и немедленно утверждаемый константинопольскимъ патріархомъ, который обязанъ выдать утвердительную грамоту. По дѣламъ, требующимъ совмѣстнаго совѣщанія, болгарскій синодъ относится къ вселенскому патріарху, который долженъ давать ему просимую помощь и отвѣчать безъ замедленія на его запросы. Выбранъ былъ и первый экзархъ болгарскій, Анѳимъ виддинскій. Но когда онъ, не будучи принятъ патріархомъ съ оффиціальнымъ представленіемъ, самъ своею властію объявилъ въ константинопольской болгарской церкви актъ, провозглашающій независимость болгарской церкви; то помѣстный константинопольскій синодъ, нарочно созванный въ 1872 году для рѣшенія греко-болгарской распри, большинствомъ голосовъ объявилъ болгаръ схизматиками и отлучилъ отъ церкви. Главнымъ обвиненіемъ противъ болгаръ было выставлено стремленіе ввести въ церковь начало племенныхъ различій. „Изъ среды болгарскаго народа,—говорилось въ соборномъ актѣ,—возстали люди, дерзнувшіе внести изъ мірской жизни въ церковь нѣкое новоученіе о филетизмѣ (племенномъ различіи) и образовать, въ презрѣніе божественныхъ священныхъ каноновъ, неслыханное доселѣ племенное сборище“; поэтому „мы отвергаемъ и осуждаемъ филетизмъ, какъ нѣчто противное евангельскому ученію и канонамъ божественныхъ отцовъ нашихъ... Пріемлющихъ филетизмъ и дерзающихъ основывать на немъ племенныя сборища мы провозглашаемъ... чуждыми единой святой, каѳолической церкви или, что то же, схизматиками“ [1]).

---

[1]) „Греко-болгарскій церковный вопросъ къ нашей печати“ А. Сѣлецкаго, въ „Странникѣ“, за октябрь, ноябрь и декабрь 1883 года. См. брошюру Т. И. Филиппова „Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря“, С.-Петербургъ, 1870 г., стр. 27 и слѣд.

Это объявленіе схизмы и отлученіе отъ церкви и до сихъ поръ тяготѣетъ надъ болгарами, не смотря на послѣдовавшую затѣмъ политическую обособленность болгарскаго народа, дарованную ему Россіей, и, вѣроятно, еще долго будетъ тяготѣть надъ нимъ, потому что болгарская народность и церковная іерархія не только обнимаетъ собою нынѣшнюю Болгарію и Румелію, но имѣетъ притязанія и на другія области со смѣшаннымъ населеніемъ въ европейской Турціи, тогда какъ на тѣ же самыя области (Ѳракію и Македонію) и даже на Румелію имѣетъ виды и греческая іерархія и національность. Слѣдовательно, обвиненіе въ филетизмѣ одинаково должно падать на обѣ враждующія стороны. Стороннее вмѣшательство въ эту международную распрю балканскихъ народовъ едва ли можетъ успокоить ихъ умы и страсти, такъ какъ каждый изъ этихъ народовъ, опираясь на историческія права свои, мечтаетъ о преобладающемъ вліяніи и господствѣ на полуостровѣ, не можетъ удовлетвориться тою долею наслѣдства „больнаго человѣка“, какая ему назначена, и будетъ роптать на посредниковъ и защитниковъ своихъ за мнимую обиду въ дѣлежѣ этого наслѣдства. Такъ не одинъ разъ и было съ Россіей, испытывавшей черную наблагодарность отъ освобожденныхъ ею единовѣрныхъ племенъ балканскаго полуострова. Напрасно политическіе умы нашего времени ломаютъ свои головы надъ составленіемъ плановъ и проэктовъ относительно умиротворенія балканскаго полуострова. Эта задача перейдетъ въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ,—и если не намъ, то по крайней мѣрѣ нашимъ потомкамъ еще не разъ придется быть свидѣтелями продолженія смутъ и кровавыхъ столкновеній между племенами балканскаго полуострова.

Начало греко-болгарской распри.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ
УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
XIX СТОЛѢТІЯ.

Профессора Н. И. Петрова.

1884 г. цѣна 3 р. с.

Продается въ редакціи „Трудовъ Кіев. дух. Академіи“.

---

9 МАЯ 1[illegible]